

РЭЙЧЕЛ КЕЙН

ПРИНЦ ТЕНЕЙ

«Остроумно, сексуально, увлекательно.
Таинственный незнакомец украдет ваше сердце»
КАМИ ГАРСИЯ, соавтор серии
бестселлеров «Прекрасные создания»

18+

Рэйчел Кейн
Принц Теней
Серия «Main Street. Коллекция «Бургунди»»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16898549
Принц Теней : [роман] / Рэйчел Кейн ; [пер. с англ. М. Тогобецкой]. : АСТ; Москва; 2016
ISBN 978-5-17-088660-9

Аннотация

Кланы Монтекки и Капулетти преследуют только одну цель – власть. Мальчики рождаются в них для того, чтобы сражаться и умирать за честь своей семьи. Но если судьба позволит выжить, выгодный брак должен быть заключен. Влияние и деньги, но только не любовь. Девочки – это еще одна часть капитала рода. Если распорядиться ими с умом. Их судьба предрешена в день их рождения.

Бенволио Монтекки – кузен Ромео. Он знает, что его предназначение умереть за наследника и его клан, но в душе юноши полыхает мятежное пламя непокорности. И ночью представитель старинного рода уступает место Принцу Теней, самому искусному вору в Вероне, которому под силу пробраться незамеченным даже во вражеский дом Капулетти. Этот визит и последовавшая за ним встреча запускает механизм страшного проклятия, которое перепишет судьбы и предначертания.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	40
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Рэйчел Кейн Принц Теней

Rachel Caine
THE PRINCE OF SHADOWS

Печатается с разрешения автора и литературных агентств The Knight Agency и Nova Littera SIA.

Copyright © Roxanne Longstreet Conrad, 2014

Пролог

Я стоял в доме своего врага, в темном углу, и вполне серьезно размышлял об убийстве.

Тибальт Капулетти храпел и пускал слюни в своей постели, как беззубая старуха. Я смотрел – и диву давался: как только женщины Вероны, от простодушных служанок до благородных дам, могли терять из-за него голову! Если бы они увидели его таким, как сейчас, – пьяным, запутавшимся в мокрой от пота простыне, – они бы с визгом бросились обратно в объятия своих отцов и мужей.

Отличная из этого получилась бы история, но поделиться ею я мог только с самыми близкими.

Я вертел кинжал в затянутой в перчатку руке, чувствуя, как жажда убийства закипает в моих жилах. Но я не наемный убийца. Я пришел сюда не убивать. Я тайком пробрался в этот дом, в его покои, с другой, вполне определенной целью.

Тибальт, урожденный Капулетти, был известным в Вероне задирой и часто использовал в качестве оружия насмешку – что не редкость среди молодых людей нашего сословия. Он не гнушался тем, чтобы оскорбить или унижить кого-нибудь, и делал это при малейшей возможности. И вот сегодня он нанес оскорбление моему дому. Дому Монтекки.

Его жертвой стала молоденькая служанка.

Обычно господ не касаются оскорбления в адрес слуг, но меня вывела из себя самодовольная ухмылка, с которой Тибальт вывалился из тесной уличной ниши, доведя девушку до слез. Я видел, как она бежала от него, вся красная, стараясь прикрыться разорванным платьем... Он обидел эту девушку только для того, чтобы показать свое презрение к моему дому, к моей семье. И это нельзя было оставлять безнаказанным.

За такое нужно было отомстить.

И именно это я, Бенволио Монтекки, собирался сделать – не на улице, не в открытом бою, а здесь, в темноте. Сегодня ночью я был в маске, никто не узнал бы меня – и ничто в моем облике не указывало на мое положение и происхождение. Сегодня ночью я был вором – лучшим вором Вероны по прозвищу Принц Теней. Вот уже три года за мной охотились и не могли поймать, и сегодняшняя ночь ничем не отличалась от других.

За исключением одного.

Меня бросало в жар, у меня руки чесались вонзить кинжал в это ненавистное мне горло... Но убийство всегда порождает убийство – и поэтому я не хотел убивать Тибальта. Убийств между нашими семьями и так было предостаточно – улицы были скользкими от крови. Нет, я не хотел убивать... я хотел унижить его. Я хотел сбить спесь с этого самодовольного наглеца.

У меня было и желание, и возможность сделать это. Нужно было решить только, как именно, чтобы ранить его как можно больнее. Тибальт был официальным наследником рода Капулетти: он был богат, самоуверен и беспечен. Мне нужно было нанести ему удар в самое болезненное место: унижить его в глазах его семьи, а еще лучше – всей Вероны.

Что это? Я заметил, как что-то блеснуло в свете луны на полу. Я прокрался в тот угол, где кучей валялась одежда Тибальта, и обнаружил на его камзоле брошь, усыпанную драгоценными камнями цветов дома Капулетти, – эта штучка вполне могла кормить в течение года какую-нибудь купеческую семью средней руки. Без сомнения, Тибальт за нее недоплатил – он скорее предпочел бы запугать участников сделки, чем дать справедливую цену. Я убрал трофей в свой кошелек, а затем очень тихо и осторожно вытащил рапиру Тибальта из ножен. Она скользнула на волю с тонким, поющим звуком, и я повертел ее в лунном свете, оценивая качество. Очень хороша. С выгравированным именем Тибальта и его гербом. Великолепное оружие. Именное оружие.

Он не заслуживал такой прекрасной вещи.

Я сунул ее обратно в ножны и приторочил себе на пояс, рядом со своей собственной рапирой. Пьяный, погруженный в полное беспмятство наследник Капулетти храпел, а я стащил с головы свою черную шапочку и поклонился со всем изяществом и достоинством, точно так же, как поклонился бы ему на улице, если бы встретился с ним случайно. Я улыбнулся, но улыбка эта под шелковой маской, слегка влажной от моего дыхания, была больше похожа на гримасу.

– Спи, милый принц¹, паршивый сукин сын, – прошептал я.

Тибальт причмокнул губами, что-то пробормотал пьяным голосом и повернулся на другой бок. Мгновенье спустя он снова захрапел, так громко и раскатисто, как будто камни катились по железной крыше.

Я скользнул за дверь его покоев, прокрался мимо его слуги, так же крепко спящего, и стал думать, как мне выбраться из дворца Капулетти. Казалось бы, самым простым и очевидным решением было уйти так же, как и проник сюда, – но я проскользнул во дворец днем, когда вокруг царили оживление и суета, в толпе слуг, доставлявших корзины с провизией с рынка. Целый день я провел, изучая каменную кладку в подвалах Капулетти. Поэтому возвратиться тем же путем было затруднительно: кухня сейчас наверняка была закрыта и охранялась.

Единственный путь лежал через сады. Нужно только перелезть через высокий каменный забор и не нарваться на кого-нибудь из головорезов, которых полно на ночных безлунных улицах.

Я поднимался по лестнице, преодолевая по две ступеньки за шаг, мягкая кожаная обувь бесшумно скользила по гладкому мрамору. Я был одет в серое – чтобы сливаться с серыми домами и мостовыми Вероны: это лучший способ стать невидимым в сумерках и ночью. И даже здесь, внутри дворца, это служило отличной маскировкой. Словно призрак, я крался мимо темных квадратов картин на стенах и канделябров с не погашенными на ночь свечами (вот истинное доказательство богатства семьи!). Лестницу украшал великолепный гобелен, и украсть его было бы заманчиво, но полотно было слишком тяжелым, да и у меня уже хватало трофеев на сегодня.

Наверху располагалась женская половина дома.

Справа были покои синьоры Капулетти – самые большие и самые роскошные. Этот большой дворец был почти зеркальным отражением моего собственного фамильного замка – и значит, комнаты девиц, значительно более скромные, располагались слева. Старшая из них, Розалина, по слухам – весьма образованная и начитанная, сейчас, должно быть, уже спала. Ее комната была самой дальней, ведь она была всего лишь племянницей, а не родной дочерью синьоры. Она приходилась Тибальту родной сестрой, но приехала в Верону всего несколько месяцев назад и почти никогда не выходила из дворца. Я слышал, что она совсем не похожа на своего гнусного братца, и это, несомненно, свидетельствовало в ее пользу.

У дверей ее комнаты не было слуг, охранявших покой госпожи. А когда я тронул дверь, она оказалась не заперта. Какие беспечные эти Капулетти, по крайней мере в стенах собственного дома. Я бесшумно отворил дверь и обнаружил, что в комнате совсем не так темно, как я рассчитывал. В очаге потрескивали догорающие поленья, а на столе стоял подсвечник с горящей свечой.

Поскольку балдахин у постели был задернут, я решил, что оставленная на столе горящая свеча не имеет никакого значения: девица все равно ничего не увидит и не услышит сквозь толстые занавеси. Я старался двигаться как можно тише, чтобы половицы не скрипели у меня под ногами, и был почти у самого окна, как вдруг понял, что допустил ошибку.

¹ Шекспир, У. «Гамлет», реплика Горацио, обращенная к мертвому Гамлету.

Ужасную ошибку.

Розалина Капулетти была не в постели. Она сидела на стуле у дальнего конца стола и читала небольшую книжицу.

Я увидел ее раньше, чем она увидела меня.

Свет от свечи отбрасывал на ее кожу золотые блики и отражался в ее больших темных глазах. У нее была лебединая шея; изящные руки бережно держали переплет. Одета она была в простую льняную сорочку – я видел под тонкой белой тканью очертания ее стройного тела. Темные, как ночь, волосы были заплетены в длинную косу, кончик которой она, читая, задумчиво накручивала на палец.

Меня никто не предупреждал, что она так красива.

В следующее мгновение она заметила меня и вскочила на ноги в испуге. Книга упала на стол, и я подумал, что сейчас раздастся крик, который поднимет на ноги весь дом, – этого вполне можно было ожидать от девицы, увидевшей в своих покоях незнакомца в маске.

Но вместо этого она сделала глубокий вдох, а потом медленно выдохнула.

– Что вам нужно? Кто вы? – спросила она.

Я был поражен тем, как твердо прозвучал ее голос. Она сжимала кулаки, и я видел, что она вся дрожит, но взгляд ее был ясным и внимательным, а подбородок воинственно задран. Не бесстрашная, но храбрая, очень храбрая девушка.

Я приложил палец к губам, призывая ее говорить тише. Она не ответила, поэтому я тихо произнес:

– Вы можете называть меня Принцем Теней, синьорина.

Выражение ее лица переменялось, и вызов в ее глазах сменился заинтересованностью.

– Я слышала о вас. Так вы существуете!

– Как видите.

– А я-то считала, что это все пьяные бредни. Я слышала о вас много разного, но так и не поняла, чем вы занимаетесь.

– Вору, – ответил я. – Это и есть мое занятие.

– А зачем? – Этот вопрос мог показаться глупым, но у нее явно был острый ум, поэтому я не стал отвечать и подождал продолжения. – Вы же не какой-нибудь оборванец. Вы слишком хорошо одеты. Ваша маска из шелка. Вы явно не нуждаетесь в краденном золоте.

Она отличалась не только храбростью, но и необыкновенным самообладанием. Пока сила была на моей стороне, но я начинал сомневаться, что это надолго.

– Мне доставляет удовольствие брать у тех, кто имеет слишком много, – ответил я. – У тех, кому надо бы умерить свою гордыню.

Она стояла очень спокойно, изучая меня, а потом медленно покачала головой:

– Из этого следует, что сегодня вы обокрали кого-то в этом доме. И кто же стал вашей жертвой этой ночью?

Я понимал, что это проверка.

У нее были свои взгляды и свои пристрастия. Но я не хотел лгать, невзирая на возможные последствия.

– Тибальт, – ответил я. – Он негодяй и глупец. Вряд ли кто заслуживает наказания больше, чем он, вы не находите?

Она явно испытала облегчение, услышав это. Не улыбнулась, но уголки ее губ чуть заметно дрогнули.

– Тибальт мой брат. И он очень опасный человек, – заметила Розалина. – Вам следует поскорее уносить отсюда ноги, пока он сам не отобрал у вас что-нибудь более ценное, нежели то, что вы взяли у него.

– Это очень мудрое замечание, и я совершенно с ним согласен. – Я отвесил ей еще более глубокий поклон, чем ее брату, и гораздо более искренний. – Вы очень добры и благородны.

– И не добра, и с вами не в родстве, – парировала она.

Она снова села за стол и взялась за книгу, делая вид, что не обращает на меня никакого внимания. У нее неплохо получалось, но я заметил, что она все же следит за мной краем глаза.

– Уходите же быстрее. Я уже забыла о вас.

Я еще раз поклонился ей и распахнул ставни. За окном располагался балкон, выходящий в небольшой, окруженный со всех сторон стеной сад: он был похож на удивительный цветущий Эдем в центре каменной пустыни. Посередине играл струями фонтан, наполнявший ночь нежным музыкальным журчанием. Никого из головорезов видно не было, хотя я знал, что у Капулетти их нанято было много: Тибальт не в одиночку пьянствовал этим вечером.

Я вскарабкался на балюстраду, задержался на мгновение на краю, а затем прыгнул как можно дальше на мягкую землю цветника. пышные ирисы с сильным сладким ароматом гнулись и ломались под моими ногами, когда я бросился бежать. Сердце мое бешено колотилось, я взобрался на стену, перепрыгнул на улицу, отряхнул с одежды садовую грязь и начал свою, как я надеялся, спокойную и безопасную прогулку по Пьяцца-дель-Эрбе².

Я едва успел стянуть маску и сунуть ее в кошель, как у меня за спиной послышался стук сапог по каменной мостовой и из-за угла вышли двое городских стражников, одетых в цвета герцога Эскала – правителя Вероны. У обоих были широченные плечи и мускулистые руки – какие и положено иметь на темных улицах, если не хочешь, чтобы твоя жена стала вдовой. Дозорные направились ко мне. Когда лунный свет упал на мое лицо, они замедлили шаг и поклонились.

– Синьор Монтекки, – произнес тот, что был повыше, – вам здесь быть небезопасно. Вы бродите у дома Капулетти – и совсем один. Неблагодарно, синьор. Очень неблагодарно.

Я притворился, будто спотыкаюсь и пошатываюсь, как если бы я побывал в винном погребе Тибальта, а не в его спальне.

– Неразумно было бы, ребята, будь я один, но Монтекки никогда не гуляет в одиночестве!

– Разумеется! И сейчас он тоже, определенно, не один! – послышался еще чей-то голос, и за спиной у меня раздались шаги. Я повернулся и увидел знакомую фигуру моего лучшего друга Меркуцио, которому отнюдь не надо было притворяться, что он пьян, о нет! Он даже ухватился за мою шею, чтобы не упасть. – Бенволио Монтекки никогда не будет сражаться в одиночку, пока я дышу! А теперь, негодяи, поучить вас манерам?!

– Синьоры. – Один из стражников, уже терял терпение. – Мы находимся на службе. Поссориться с нами – то же самое, что поссориться с герцогом Вероны. Самым лучшим для вас сейчас будет отправиться куда-нибудь в более подходящее место. Да и время уже очень позднее.

Я расхохотался пьяным смехом:

– Ты слышал это, Меркуцио? Время позднее!

Это была первая строчка популярной – хотя и не слишком приличной – песни, и он немедленно подхватил ее, и мы запели хором. У нас с Меркуцио не было ни слуха, ни голоса. И это было то еще, скажу я вам, представление, когда мы, пошатываясь, ковыляли в сторону дворца Монтекки, сопровождаемые сердитыми сонными проклятиями из окон домов, мимо которых проходили.

Дозорные отпустили нас охотно, явно испытывая облегчение от нашего ухода.

² Площадь в Вероне.

Меркуцио перестал голосить только тогда, когда мы миновали площадь с великолепной статуей Веронской Мадонны и дворец Маффеи³, охраняемый целой армией надутых караульных, которые не сводили с нас глаз все время, пока мы брели по площади. Друг не убрал руку с моей шеи, значит, был действительно сильно пьян и с трудом держался на ногах, но он соображал достаточно хорошо, чтобы понизить голос до шепота, когда спросил:

– Ну что? Как твое приключение?

Я извлек из кошелька драгоценную брошь в виде герба Капулетти и передал ему: Меркуцио коротко присвистнул и повертел ее в руках, восхищаясь тем, как она сияет в лучах лунного света, а потом убрал в свой кошелек.

– У меня есть еще кое-что, – сказал я, вынул из ножен рапиру Тибальта и бросил ее другу. Меркуцио – даже пьяный – был гораздо лучшим фехтовальщиком, чем я, и он поймал рапиру с кошачьей грацией. Он исследовал тонкое, изящное лезвие быстрыми, деликатными движениями пальцев.

– Иногда мне кажется, что твое мастерство – это далеко не небесный дар, – сказал он серьезно и похлопал меня по щеке. – Брошь мы можем продать, если выковырять камни и сломать ее, но рапиру...

– Это не для продажи, – быстро перебил я. – Она нужна мне.

– Зачем?!

Я улыбнулся.

Никто и никогда не заподозрил бы в скромном, добропорядочном и воспитанном Бенволио Монтекки той жестокости, дикости и свободы, которые таились во мне. Ночью я становился совершенно другим – совсем другим, нежели меня знали мой город и моя семья.

– Я пока не знаю, – сказал я. – Но могу тебя заверить, что об этом будет говорить весь город.

На следующий день рапира Тибальта Капулетти нашлась: она была глубоко воткнута в тяжелую дубовую дверь таверны. Ею был припилен листок с грубым стихотворением, в котором содержалась занимательная история о Тибальте, свинье и неких действиях, которые обычно не одобряются церковью и почтенными обывателями.

Это был хороший день.

Это было начало конца хороших дней...

³ Дворец Маффеи в Вероне был построен только в XV веке.

Глава 1

Два месяца спустя

В покоях моей бабушки было жарко – как и всегда, независимо от времени года. В камине горел огонь, и жар от него был такой, будто разжег его сам Сатана. Прежде чем войти, я предусмотрительно снял плащ, но все равно пот градом катился у меня по спине, и кожа под сорочкой и тяжелым бархатным камзолом стала неприятно влажной. Пока я ждал и страдал, горничная подкинула новую порцию дров в огонь, и я почувствовал, как по моему лицу, словно слезы, потекли капли пота.

Приглашение от бабушки было неожиданным, но не принять его было невозможно, так что я лелеял надежду, что мне хотя бы удастся поскорее сбежать.

Она смотрела на меня со своим обычным выражением недовольства и презрения на лице. Все, кто был моложе, чем она сама, никогда не находили у нее одобрения, но, по крайней мере, меня она удостаивала меньшего презрения, нежели других. Взгляд у нее был острый, прямой, глаза цвета льдисто-серого неба, а лицо – словно вырезано из старого дуба. Семейная легенда гласила, что когда-то она была красива, но теперь в это уже не верилось. Она была похожа на сморщенное яблоко, которое слишком долго пролежало в дальнем углу подвала.

– Я послала тебе приглашение полчаса назад, – сообщила она своим высоким, надтреснутым голосом и закашлялась.

Горничная тут же подалась вперед и поспешно промокнула ей губы носовым платочком, а потом ловко свернула его, чтобы скрыть пятнышки крови.

– Простите, бабушка, – сказал я и отвесил ей глубокий поклон. – Я был с маэстро Сильвио.

Маэстро Сильвио, учитель фехтования, обучал нас, молодых людей семейства Монтекки, своему искусству – искусству весьма полезному и просто необходимому для того, чтобы выжить на улицах Вероны.

Бабушка поморщилась и прервала мои извинения нетерпеливым взмахом руки.

– Я надеюсь, что ты делаешь успехи, – произнесла она. – На улицах просто спасу нет от головорезов Капулетти, которые так и ищут повода для драки.

Я улыбнулся – чуть заметно.

– Думаю, что в фехтовании я преуспел.

Но только не стараниями маэстро Сильвио: Меркуцио учил меня таким приемам и тонкостям, о которых даже хваленый маэстро Сильвио понятия не имел.

– Ты думаешь, я пригласила тебя, чтобы обсудить твои успехи в дурацких мужских забавах? – Старая женщина направила на меня ледяной строгий взгляд. – Возможно, тебя заинтересует, что твой кузен сошел с ума.

– Который?

Конечно, внезапное сумасшествие может настигнуть любого, но бабушка всегда была склонна преувеличивать степень безумия в наших головах и в нашем поведении.

Она стукнула клюкой об пол, чтобы подчеркнуть свои слова.

– А ты сам как думаешь, мальчик? Тот кузен, который важен для семьи. Ромео. И я обвиняю в этом тебя, Бенволио.

Я выпрямился и постарался сообразить, чем я мог заслужить подобное обвинение. Я частенько бывал тем, кому приходилось выпутывать себя и других из очередной авантюры, – но я редко был их зачинщиком. Это обвинение казалось мне несправедливым.

– Если я в чем-то ошибся – я готов принести извинения, – сказал я, стойко и даже бесстрашно выдержав ее пристальный взгляд. – Но я не понимаю, в чем меня можно упрекнуть.

– Ты самый старший из кузенов. И твоя обязанность – подавать пример безупречного поведения.

Она произнесла это так, будто действительно имела некоторые представления о том, каким это «безупречное поведение» должно быть. Я чуть было не расхохотался, хотя понимал, что это было бы равноценно самоубийству. Истории о бабушкиной бурной молодости, которые передавались в нашей семье из уст в уста, были похожи на легенды: просто чудо, что она избежала заточения в монастыре или еще более печальной участи.

– Я делаю все возможное.

Я попытался представить себя самого с горящим нимбом вокруг головы, как у ангела с фрески, но тут же спохватился, поймав ее разгневанный взгляд.

– Ты что, дразнишь меня, мальчик? – резко спросила бабушка и чуть подалась вперед в своих креслах, так, что заскрипели старые кости и еще более старое дерево. Голос ее понизился до шипения и сочился ядом. – Ты смеешь *дразнить* меня?!

– Нет.

И я действительно имел в виду то, что говорил. Никто в здравом уме никогда не стал бы оскорблять ее. Никто не решился бы на это, если хотел остаться в живых.

Она снова откинулась на спинку кресла и нахмурилась.

– Если это не насмешка, то выражение на твоем лице может объясняться только ненавистью.

Разумеется, это была ненависть. Я ненавидел ее. Мы все ненавидели ее – и в равной степени мы все ее боялись. В нашем мире не было никого опаснее, чем моя бабушка, Железная Синьора. Железная Синьора. Ни Капулетти, ни герцог, ни священники, ни епископ, ни даже Папа Римский – никто из них не мог даже надеяться вызвать у людей страх и ненависть такого накала.

Но я был не настолько глуп, чтобы признаться в этом.

– Я безгранично предан вам, бабушка, как и все мы.

Я умел хорошо лгать. Это было необходимое умение для жизни во дворце.

Она фыркнула, ни на миг не поверив мне.

– Разумеется, болван. Иногда я думаю, что я единственная из Монтекки, кто все еще обладает здравым умом. Слабые мужчины и глупые женщины – вот то, что от нас осталось сегодня.

Она снова окинула меня холодным внимательным взглядом.

– Твой кузен либо сошел с ума, либо просто непозволительно глуп. И твоя прямая обязанность остановить его, прежде чем он покроет несмываемым позором себя и этот дом. Он – наследник, и его *нужно* держать в рамках. Разве это не очевидно?

Это была самая опасная часть нашего разговора – я почувствовал это: старая ведьма могла не обратить внимания на ложь, но она чуяла любое сомнение, словно стервятник гниющую падаль.

– При всем моем уважении, я не уверен, что это возможно, – произнес я. – Ромео юн. А юность всегда идет рука об руку с безумством – это вполне ожидаемо.

Мои слова вызвали у нее горькую усмешку.

– Ах да, ты же на *целый* год старше Ромео. И конечно, с высоты твоих лет можешь снисходительно судить о подобных вещах. Но ты никогда не был глуп, надо отдать тебе должное. У тебя в крови лед – я думаю, это ты унаследовал от своей матери-иностранки.

Я бы сейчас душу отдал за лед в крови: жара в комнате была просто невыносимая, словно мы заживо попали в ад, в объятия к дьяволу. Камзол у меня промок от пота насквозь, я чувствовал, как пот струится у меня по волосам, словно кровь. И святой боже, служанка

бросила в огонь новую порцию поленьев! Комната наполнилась запахом разогретой плоти и тлеющей собачьей шерсти, смешанным со слабым ароматом духов старухи.

Старухе не стоило упоминать о моей матери.

– Ромео не просто глуп – глупость я могла бы простить, – продолжила бабушка после продолжительного молчания. – Ходят слухи, что он посвящает стихи распутной девке из дома наших врагов. Это крайнее проявление безумия, и оно может сделать наш дом посмешищем. А это недопустимо.

Ее скрюченные, похожие на птичьи когти пальцы впились в подлокотники кресла... не обычного кресла: это было единственное в своем роде кресло, с тяжелой спинкой и из разных сортов древесины. Она приказала сделать его, еще когда была молодой синьорой Монтекки, и говорят – а я в это верю, – что она приказала сделать его из сломанных дверей дворцов ее врагов. Эти дворцы теперь пусты и лежат в руинах, их населяют только тени и призраки, а она превратила остатки их баррикад в трофеи, которые положила себе под зад.

Мы не зря боимся бабушку.

Итак, Ромео пишет стихи.

Зная его, я легко могу в это поверить, хотя он не и не говорил мне ничего о подобных глупостях.

– Даже если это правда – это просто любовная лихорадка, временное увлечение. Это скоро пройдет.

– Пройдет? Вот как?

Она вздрогнула и щелкнула пальцами, служанка бросилась укрывать плащом с меховой опушкой ее колени, в то время как я плавился от жары, потому огонь пылал в камине в полную силу.

– А что ты запоешь, если я скажу тебе, кому он царапает эти свои вирши? Что, если я скажу тебе, что это Капулетти?

Я не смог сдержать выражение изумления на лице.

– Что? Кому же из них?

– Я слышала, что Розалине. Этой убогой.

Она нетерпеливо щелкнула пальцами, как будто желая уничтожить этим щелчком Розалину. А вот я ее мнения о девушке не разделял. Я видел ее темной безлунной ночью несколько месяцев назад – и она заслуживала того, чтобы отнестись к ней со всей серьезностью.

– Если у него любовная лихорадка – она может быть заразна, и весь дом наполнится этой мерзостью. Ты должен положить конец этому безобразию – возьми себе в помощники того мальчика из дома Орделаффи, Меркуцио. Он довольно смелый, и ему хватит смелости, если дело дойдет до мечей. И вот что главное: если стихи действительно были и вышли за пределы этого дома – вы должны вернуть их. Нельзя допустить, чтобы имя Монтекки стало объектом для уличных насмешек. – Старуха сверлила меня недобрым взглядом. – Я знаю все о твоих ночных похождениях, мой мальчик, и я закрывала на них глаза, потому что они меня устраивали. А теперь побегай-ка на моем поводке. Забери эти письма у девки. И чтобы тихо.

Почему-то я совсем не удивился тому, что бабушка знает о моей тайной карьере Принца Теней.

– А если я откажусь?

В повисшем молчании я слышал, как шипят в очаге и лопаются поленья. Слуги застыли на месте и уставились на меня с нескрываемым любопытством. Никто никогда не перечил старой ведьме. И я сам удивлялся тому, что сейчас делал: видимо, дело и впрямь было в моей матери.

– Тогда, Бенволио Монтекки, – произнесла старуха спокойно, – тобой заинтересуются люди герцога Эскала. Я слыхала, они давно и безуспешно разыскивают какого-то неуловимого ночного вора.

– Вы не сделаете этого. Это опозорит наш дом и моего дядю.

Она равнодушно пожала плечами.

– Возможно, твоего дядюшку давно пора приструнить. Но если ты сделаешь то, о чем я прошу, мальчик, – я сохраню твой секрет. Твой кузен будет спасен, твоя собственная репутация не пострадает – и, само собой, ты сможешь продолжать то, что делал.

– Само собой, – повторил я.

Она загнала меня в ловушку, и все мои попытки вырваться из нее были обречены на провал, даже если бы я отгрыз себе ногу.

Она поставила меня в безвыходное положение.

– И помни: с этого момента ты отвечаешь за Ромео и за любые его ошибки. Мы договорились.

Я не хотел быть ответственным за глупости, которые совершит Ромео. Сейчас это любовь к девушке из дома наших самых заклятых врагов. А на следующей неделе он может влипнуть во что-нибудь еще более возмутительное и опасное. Мне вовсе не хотелось стоять у него за плечом в роли ангела-хранителя, как требовала бабушка... но по выражению ее глаз я понимал, что выбора у меня нет. Опять нет.

Я очень надеялся, что где-нибудь среди горячих теней этой комнаты витает и мой собственный ангел-хранитель, потому что недовольство Железной Синьоры – это очень опасная вещь, даже если у тебя в венах течет кровь Монтекки. А я не был избалованным отпрыском рода Монтекки – им был Ромео, наследник. Я был старшим из кузенов, рожденным от сомнительной матери-чужеземки. Я был самым благоразумным, самым надежным – тем, кто должен брать на себя все заботы Монтекки.

Неудивительно, что по ночам я мстил за свои обиды, грабя тех, кого ненавидел. Разве у меня был другой выход?

Моя бабушка восседала на своем троне из сломанных дверей, за которыми когда-то скрывались ее ныне поверженные враги, и одаривала меня тем, что сама она, должно быть, считала примирительной улыбкой. От этой улыбки сам дьявол задрожал бы в ужасе.

– Что ж, дело сделано, и теперь я не услышу более глупых сплетен о твоём кузене. А сейчас – расскажи мне, дитя, какие нынче ходят слухи? О чем болтают на площади?

Она до сих пор живет сплетнями, а мы все – ее уши и глаза.

Я был дворянином, хотя и не слишком знатным, и я обязан был бывать в публичных местах Вероны, чтобы себя показать и других посмотреть. И, несмотря на всю свою горячую нелюбовь к сплетням, я вынужден был слушать их.

– Говорят, у герцога новая дама сердца, – сказал я, и в ее глазах вспыхнули огоньки любопытства. – Говорят, очень искушенная. Судачат, что она из Венеции.

– Фу, Венеция! Это же выгребная яма Италии, – произнесла бабушка, но я видел, что она наслаждается моментом. – Эта женщина не лучше уличной шлюхи, а он осмеливается приводить ее в общество приличных дам! Ты видел ее?

Я видел легендарную любовницу герцога на расстоянии – ее несли в портшезе по улицам к мессе, где она, без сомнения, исповедалась во всех своих грехах и получила прощение. Как жаль, что милосердие никогда не выходило за пределы церковных стен.

– Нет, бабушка, я никогда не видел ее, – соврал я.

– Вот и хорошо! Негоже здоровому молодому человеку вроде тебя глазеть на шлюх, ведь ты еще не обзавелся женой. Кстати, об этом: твоя беспечная мать еще не подобрала тебе невесту?

Моя мать всегда игнорировала направленные в ее сторону колкости. И я пытался делать то же самое, хотя в глубине души чувствовал себя уязвленным. Но я был уверен, что Железная Синьора не преминула бы выпустить новую порцию яда, как только заметила бы, что он действует на меня.

Поэтому я не реагировал никак. Внешне.

– Она по-прежнему рассматривает кандидатуры, – сказал я.

За последние месяцы она несколько раз устраивала смотрины – и ни одну из девушек мне не захотелось увидеть еще раз: все их стремления, похоже, ограничивались тем, чтобы возбудить во мне интерес к собственной персоне.

– Но так или иначе, думаю, в течение года я женюсь.

– Чудно, чудно. У всех молодых людей огонь в крови, а еще апостол говорил, что лучше жениться, чем распалиться.

Клянусь, я мечтал, чтобы бабушка не говорила об огне: жара в ее покоях убивала меня вернее, чем меч, всаженный в живот. Когда я снова отвесил ей поклон, у меня с кончика носа упала капля пота и чуть ли не зашипела, коснувшись нагретого ковра на полу.

– Меня ждут, бабушка. Могу я покинуть вас?

– Ждут? Снова собрался куролесить со своими никчемными друзьями? Иди уж, ладно. Но не спускай глаз со своего легкомысленного кузена, пока он не натворил чего-нибудь непоправимого с этой девкой Капулетти. Как ты думаешь, она достаточно глупа, чтобы отвечать ему? Я слышала, она с чудинкой.

Я пожал плечами.

– Кажется, она воспитывалась при монастыре и получила там неплохое образование. Возможно, она считает чувства Ромео лестными для себя.

– Ничего, отец выбьет из нее эту дурь, – заметила бабушка. – Конечно, если он найдет эти письма, он может и не бить ее, а просто замуровать ее в подземелье, как сделал в свое время старый Пьетро Монтекки с ее двоюродной бабушкой Софией...

Это была ее любимая сказка на ночь... самый жуткий кошмар, который только можно себе вообразить, – быть замурованной в шикарно обставленной комнате с одним только кувшином воды и кинжалом. Когда вода иссякла, София, должно быть, предпочла вонзить нож себе в грудь и тем самым избавить себя от мучений, но, будучи мальчишкой, я часто представлял себе, как она бросалась в отчаянии на каменные стены, как гнили ее кожа и кости, как скрежетали ногти, царапая ледяные стены ее темницы. Мысли об этом и по сей день не оставляют меня.

Меня не должно было волновать то, что может случиться с кем-то из Капулетти, ведь Монтекки в этом случае положено ликовать и злорадствовать. Но я вспоминал смелую, спокойную, достойную девицу Розалину, которая сидела в мерцающем свете свечей и смотрела прямо в лицо Принцу Теней, – и, к своему смущению, чувствовал, что меня это все-таки волнует.

Бабушка ждала от меня ответа, но я молчал. Наконец она щелкнула пальцами с утомленным и презрительным видом:

– Все, иди. Надоел.

– Да, бабушка.

Я понимал, что не стоит испытывать ее терпение, поэтому я учтиво поклонился и быстро вышел через толстые, старинные, тяжелые двери, которые с грохотом закрылись у меня за спиной – это слуги старательно выполнили свои обязанности.

Свобода!

Я прислонился к каменной стене, хватая ртом чистый, свежий воздух. Мне казалось, что мой камзол дымится, моя одежда насквозь промокла от пота, и я чувствовал себя яко Седрах⁴ после огненной печи.

– Тс-с-с!

Я взглянул в том направлении, откуда слышался этот звук, и увидел чью-то тень, скользнувшую вдоль стены. Луч солнца, пробившийся в высокое узкое окно, выхватил слишком богатое для служанки платье и заиграл на драгоценной диадеме.

Похоже, что моей младшей сестре вздумалось побеседовать со мной. Только этого мне не доставало.

– Порядочные женщины не прячутся по углам, Вероника.

Я откинул назад голову, стукнувшись о каменную стену – боль на некоторое время отвлекла меня от мыслей о том, как мне жарко. Но отделаться от моей сестры оказалось труднее... Ей было почти пятнадцать, она была довольно миловидна – и так же ядовита и опасна, как гадюка.

– Я прячусь от нее, разумеется. Старуха желает дать мне наставления касательно супружеских обязанностей.

Вероника схватила меня за воротник камзола и потащила за угол, в тень, но потом отшатнулась с отвращением:

– Фу, да ты весь мокрый! Ты вспотел, как простолюдин!

– Может быть, мне рассказать ей, что ты не нуждаешься в наставлениях относительно супружеских обязанностей? Ты, верно, можешь сама написать целый трактат на эту тему, а?

– Свинья! – Она замахнулась, но я перехватил ее руку буквально в сантиметре от своего лица.

– Я не могу делать вид, что ты чиста как Дева Мария, если ты не будешь притворяться сама. Если ты не собираешься к бабушке – зачем ты вообще сюда явилась?

– По поручению матери. Она послала за тобой уже час назад и велела мне найти тебя.

– Бабушка тоже. Ты бы кого выбрала для первого визита?

Ронни раскрыла веер и начала им энергично обмахиваться.

– Старая ведьма говорила что-нибудь обо мне?

– С чего бы? Она уже нашла для тебя отличную партию – ты больше ей не интересна.

– Она выдает меня замуж за старика!

– За очень богатого старика, – ехидно уточнил я. – И со слабым здоровьем. Ты станешь безутешной вдовой, не исполнится тебе и двадцати лет, – и впереди у тебя будет прекрасное будущее, полное развлечений.

– Тебе легко говорить. Не тебя ведь он будет тискать своими скрюченными пальцами на супружеском ложе.

Она бросила на меня из-за веера лукавый взгляд.

– Хотя, Бен⁵... может, ты был бы не против? Судя по компании, с которой ты водишься...

Я прижал ее к стене так сильно, что она сдавленно пискнула, и зажал ей рот рукой. Потом приблизил губы вплотную к ее уху и прошипел:

– Прежде чем распускать острый язычок насчет моих друзей, вспомни сначала парня, которого повесили прошлой зимой. Такие обвинения – это не шутки, Ронни. Еще один намек – и клянусь, я научу тебя хорошим манерам.

⁴ Седрах – в Ветхом Завете: один из трех отроков, брошенных вместе с пророком Даниилом в огненную печь и спасенных архангелом Михаилом.

⁵ Бенволио и Вероника называют друг друга на английский манер – «Бен» и «Ронни»; это можно объяснить тем, что их мать – англичанка.

Она оттолкнула меня с неожиданной силой. На щеках у нее горели красные пятна, глаза метали молнии, но она по-прежнему говорила шепотом:

– А ты не думал, что будет, если кто-нибудь услышит твои слова? О том, что я искушена в вопросе супружеских отношений? Если меня не убьют, то отправят в монастырь, где я больше никогда не увижу солнца! Или ты забыл?

– Нет, – ответил я. – Я не забыл. И тебе забывать не советую.

– Ты же мой брат! Почему ты никогда не защищаешь меня так же горячо, как своих друзей? Говорят ведь, что женщина может пасть тогда, когда нет мужчины, на которого она может опереться! Может быть, мои недостатки – это *твоя* вина!

Я пошел прочь.

Хотя она была моей сестрой, я не слишком-то заботился о Веронике: девушки всегда воспитывались иначе и совершенно отдельно от нас, и все, что я знал о ней, меня не слишком привлекало. Чем быстрее она выйдет замуж – тем лучше для всех.

Я услышал шелест ткани и, обернувшись, увидел, что Вероника торопливо идет за мной следом. Ее юбки с шуршанием задевали стены.

– Подожди!

– Зачем? Мне больше нечего сказать тебе.

Ее голос стал громче, в нем послышались угрожающие нотки:

– Вот как? А ведь этой ночью ты шептал мне на ухо совсем другое, братец! Ведь ты говорил...

Я резко шагнул к ней, и она отшатнулась, глаза у нее сверкали злобой и угрозой.

– Что ж, – промурлыкала она, – по крайней мере, это привлекло твое внимание, не так ли?

– Предупреждаю тебя, Ронни, – точи свои коготки на ком-нибудь другом.

Мне очень хотелось вцепиться ей в глотку, но я не стал. С Вероникой опасно было связываться в отсутствие свидетелей – она могла потом представить дело, как ей было угодно. Я уже видел, как она ломала судьбы другим. По отношению к членам семьи она еще никогда так не поступала, но для того, чтобы испортить репутацию человека, нужно очень немного, тем более когда за дело берется женщина, – и я не хотел рисковать.

Она была отвратительна. А ведь ей еще не было и пятнадцати.

Я развернулся и пошел прочь, зная, что она следует за мной по пятам.

Слегка замедлив шаг, я повернул и вышел на залитую солнцем площадь, на которой яркие всполохи цветов нарушали монотонность мрамора. Здесь риск был меньше, потому что глава рода Монтекки и самый известный представитель семьи отец Ромео собственной персоной прогуливался, прихрамывая, в дальнем конце сада – судя по его виду, подагра все больше беспокоила его. Я присел на мраморную скамью, которая должна была напоминать о смерти какого-нибудь давно почившего и тоже страдавшего при жизни подагрой дедушки или другого нашего предка.

Вероника остановилась передо мной и вперила в меня взгляд, грудь ее, затянутая в корсет, ходила ходуном.

– Ты ведешь себя как простолюдин, – бросила она. – Развалился тут, а даме сесть некуда.

– Я бы обязательно уступил место, если бы увидел *даму*, – парировал я, но все-таки подвинулся, освобождая место для ее чудовищных юбок: моя сестра носила слишком пышные для дневного времени наряды – она всегда стремилась привлечь к себе как можно больше внимания. Тщеславие превыше удобства.

– Тебе не стоит избегать наставлений Железной Синьоры: она обожает эти маленькие лекции на темы нравственности. И она не любит, когда ее заставляют ждать.

Вероника снова замахала своим веером, словно страшно утомилась, преследуя меня.

– Я оправдаюсь женским недомоганием, – сказала она. – Она это любит до безумия. Это делает девушек такими привлекательно хрупкими.

Я смерил ее оценивающим взглядом.

– Ты такая же хрупкая, как топор варвара.

Она наградила меня быстрой улыбкой поверх перьев веера:

– Надо бы мне поближе увидеть варвара, чтобы оценить его топор.

Мне стоило труда не улыбнуться: Вероника бывала иногда – очень редко – довольно забавной.

– Бабушка вызывала тебя из-за Ромео?

Я нахмурился.

– Если ты не ходила к ней – откуда ты об этом знаешь?

– О, это все бабьи сплетни, – махнула рукой Вероника. – Ромео, говорят, голову потерял от этой Розалины, ты слышал?

Она очень натурально изобразила, будто падает в обморок, и я почти готов был подхватить ее, чтобы она не свалилась со скамьи. Но поскольку я был только *почти* готов, ей пришлось самой справляться со своими руками и ногами, что вышло у нее не слишком изящно.

Все-таки моя сестра – это нечто удивительное.

– Ты знаешь Розалину?

Вероника огляделась по сторонам, веер заработал быстрее.

– Она дура, просто дура! Ставит себя выше остальных. Она так плохо одевается – хуже слуг, и притворяется, будто так и надо. Она проводит все время за *чтением*! Все подряд читает. Даже монахини не читают! Это же неприлично просто!

– Она красива?

Я знал ответ на этот вопрос, но это был тот вопрос, который обязательно задал бы любой мужчина на моем месте. И кроме того, я был уверен, что это развяжет язык моей сестре.

– Я полагаю, что она довольно привлекательна от природы, но совершенно не следит за собой. Как можно быть красивой, если не прикладываешь никаких усилий для этого. А от чтения у нее появляются морщинки, ну ты понимаешь, вокруг глаз.

Вероника любила подвергать критике волосы, глаза, кожу, фигуру или осанку других девушек... но о Розалине ей как будто нечего было сказать. А в ее случае это было равносильно похвале.

– Но ты же сказала, что она достаточно красива, чтобы поймать на удочку Ромео.

Вероника захлопнула веер и стукнула меня им по плечу.

– Это же *Ромео*! Он же может влюбиться в танцующего медведя, если тому нацепить юбку. Если ты хочешь защитить его – скажи его отцу, чтобы его женили как можно скорее, иначе он взорвется, как кипящий горшок.

– Ты говоришь как бабушка, – заметил я, и сестра снова стукнула меня веером, на этот раз довольно сильно.

– Ты такой жестокий, Бенволио!

– Я добрый, – возразил я.

– Добрый, как сам дьявол. – Она встала и пошла прочь, подметая юбками дорожную пыль не хуже хорошей метлы.

Сестрица Вероника и братец Ромео.

Чем я все это заслужил?

Ромео не соблаговолил появиться за ужином, и его отсутствие было замечено – синьора Монтекки, его мать, с холодной сдержанностью осведомилась у меня, пожалуй, чуть громче, чем следовало бы, не имею ли я каких-нибудь сведений о нем. Я честно ответил, что не имею.

Моя собственная мать в течение обеда посылала мне сердитые взгляды, словно считала, что я должен немедленно отправиться на поиски своего кузена. Надо сказать, от этого обед не стал для меня приятнее.

Я не вставал с места. Никто официально не поручал мне поиски, а сам я считал, что это просто глупо. Ромео мог явиться сам – если пожелает и когда пожелает. Мне поручили заняться его перевоспитанием всего несколько часов назад – вряд ли я буду виноват, если он натворит дел сегодня вечером.

Уже подали сладкое, мой дядюшка Монтекки прикончил четвертый кубок вина и уже громко рассуждал о политике, когда Ромео ввалился в залу. Я употребил слово «ввалился» – и это неслучайно: он влетел в дверь головой вперед, споткнулся и вынужден был ухватиться за слугу, чтобы не упасть. Тот с шумом уронил поднос с жирными остатками жареной свинины, и Ромео тут же отскочил и заскользил к столу с приличной скоростью (чего не скажешь о точности). Как всегда, он оставлял за собой руины и хаос.

– Ты не Вероника, – заявил он, плюхаясь на стул рядом со мной. – Здесь обычно сидит Ронни, и она куда более приятная компания, чем ты.

– Она впала в немилость у бабушки, – пояснил я.

– За что?

– Не пришла выслушать нотации.

Он рассмеялся пьяным смехом.

– Это даже хорошо для Ронни. Если бы мы поменьше кланялись и пресмыкались перед этой старой ведьмой – жизнь была бы гораздо приятнее.

Ромео откинулся на спинку стула и стал качаться на двух ножках. Заметив Веронику, красную и злую, на дальнем конце стола, среди самых юных и захудалых провинциальных кузенов, он замахал руками, пытаясь привлечь ее внимание. Она только вздернула подбородок, не замечая его усилий.

Я пнул по ножке его стула, и Ромео пришлось вернуть стул в нормальное положение, что вышло у него довольно неловко.

– Послушай-ка меня, болван. В немилость попала не только Вероника. Бабушка весьма недовольна и тобой тоже.

– Она всегда недовольна любым из нас. Ну, кроме вас, конечно, о Ваше Совершенство, – отмахнулся Ромео и подозвал слугу. Тот подошел с испуганным и напряженным видом. – Где чертов ужин?

– Его уже подавали, господин, – ответил слуга. Я не знал его имени – он был из новеньких, хотя казался вполне расторопным. – Могу я принести вам супу?

– Супу и хлеба. И вина...

– Воды, – вмешался я. – Принеси ему воды. Для его же блага.

– В наших рядах измена, – произнес мой кузен.

Слуга отошел с явным облегчением.

– Где ты был? – спросил я Ромео.

Он откинул голову на спинку стула.

Мы были с ним похожи, только я был чуть выше, чуть шире и не такой красивый. И нос у меня когда-то был такой же ровный и изящный, но уличная драка с Капулетти изменила его до неузнаваемости. Зато это добавило мне мужественности, равно как и тонкий шрам, пересекающий надвое мою бровь, – так что польза от моих походов была, в буквальном смысле слова, налицо. Ну, и конечно, глаза. По глазам было сразу понятно, что я наполовину нездешний.

– Хммм... где я был... – отозвался Ромео, мечтательно закатывая глаза. – Ах, братец, я любовался совершенной красотой – но это была красота, которая вызывает глубокую печаль.

Она слишком прекрасна, слишком мудра и справедлива, она слишком хороша, чтобы услышать мои мольбы.

Он был *очень* пьян и опасно близок к тому, чтобы начать декламировать свои несчастные стихи.

– И кто же вдохновляет тебя на такую высокопарную бессмыслицу?

– Я не намерен называть ее имя в этом обществе, но, увы, кузен, я полюбил женщину. На свою беду.

– Мы все любили женщин, и почти всегда на свою беду. Всем нам приходилось страдать.

Ромео, даже пьяный, все-таки соображал, что произносить имя Капулетти за столом в доме Монтеки было бы безумием, – он позволил мне прочесть это между строк.

– Это другое, – качнул он головой. – Она не может ответить на мою любовь – она связана по рукам и ногам. Я живой труп, Бенволио. Я раздавлен, я убит любовью.

Вернулся слуга с миской горячего супа, он поставил ее перед Ромео, а рядом водрузил тарелочку со свежим хлебом. От супа в прохладном воздухе подымался легкий парок, я чувствовал аромат свинины и лука. Ромео опустил кусок хлеба в бульон и с жадностью вцепился в него зубами.

– Я вижу, для мертвого у тебя неплохой аппетит, – заметил я. – Ты надеешься, что она все-таки передумает?

– Или она передумает, или я задохнусь и умру. – Он сказал это с необыкновенной уверенностью и откусил еще кусок хлеба. – Сегодня вечером она прочтет эти слова. И они добавятся к тому хору признаний, которые я уже послал ей. Она должна скоро передумать.

– Хор... И как много этих признаний ты ей уже послал?

– Шесть. Нет, семь.

Я смотрел, как он ест суп. Мне не хотелось задавать этот вопрос, но я знал, что должен.

– И ты... ты подписывал их?

– Конечно, – ответил этот тупица и пронес ложку мимо рта, даже не замечая, что горячая жидкость течет у него по подбородку. – Ой.

Ромео вытер подбородок тыльной стороной ладони, хмуро посмотрел на миску, а потом взял ее обеими руками, поднял и сделал большой глоток.

– Я же не мог допустить, чтобы она считала автором кого-нибудь еще, другого обожателя. Я же не дурак, Бенволио. Я прекрасно понимаю, что это неблагоприятно. Но любовь вообще неблагоприятна! Твой собственный отец привез жену из *Англии*! Разве это было благоприятно?

Я с трудом удержался, чтобы не всадить ему в глотку нож, лежавший слева от меня на подносе. Сделав глубокий вдох, я зажмурился, стараясь прогнать красную пелену, вставшую перед глазами.

– Не стоит вмешивать сюда мою мать, – сказал я.

Оскорбления от бабушки – это одно дело, но Ромео, который использует мое происхождение, чтобы оправдать собственное безумие...

– Даже если родственники этой девушки не прикончат тебя где-нибудь в темном закоулке, я уверен, что Железная Синьора обязательно прикажет приковать тебя к мокрой стене глубоко-глубоко под землей и будет изгонять из тебя безумие при помощи кнутов и раскаленных утюгов. Готов держать пари, что тогда ты вряд ли будешь испытывать нежность к своей теперешней пассии.

Он было достаточно сообразителен, чтобы понять, что я говорю серьезно, и пьяная гримаса на его лице сменилась гораздо более подходящим выражением лица: на нем отразилась тревога.

– Она же просто девчонка, – сказал кузен. – Никто же не относится к таким вещам всерьез.

– Бабушка относится. И многие другие тоже. И нет сомнений, что твоя неземная любовь уже стала предметом сплетен на площади.

Он схватил меня за руку, привлек к себе и горячо зашептал:

– Бен, Розалина не могла меня предать! Кто угодно, только не Розалина!

Я вспомнил ее, сидящую в золотом свете свечей, когда она наблюдала – очень внимательно – за тем, кто только что ограбил ее брата. Она могла выдать меня. Она должна была выдать меня.

Но она меня не выдала.

– Какая разница, чей язык молотит, – сказал я. – У нее есть слуги, им могли заплатить, чтобы они следили за ней и не допускали ничего порочащего ее имя и имя ее рода... например, чего-то вроде твоих стихов... Даже если ее дядя пока ничего об этом не знает – это вопрос времени. Она ничего не сможет с этим поделать – так уж устроен мир.

Я чувствовал себя немного виноватым перед ним.

Я никогда не был столь юным и столь безрассудным – но я ведь был сыном того самого Монтекки, который пал, пронзенный мечом Капулетти, еще до моего рождения. Я вырос со знанием, насколько серьезна эта война за честь.

– Я очень надеюсь, что ты хоть не встречался с нею тайно?

– Она отказалась прийти, – произнес Ромео. – Были только стихи – они говорили за меня. Так было безопаснее.

Безопаснее. Представить невозможно, что человек может быть столь наивен в возрасте шестнадцати лет, но у Ромео были снисходительные родители и весьма туманные представления об ответственности.

– Теперь ты должен замолчать, никаких стихов! – сказал я. – А я постараюсь найти и забрать твои любовные письма – во что бы то ни стало. Бабушка приказала мне сделать это.

– Но с чего бы ей посылать тебя...

Он был пьян и не сразу сообразил, что следует держать язык за зубами, поэтому следующие его слова прозвучали все еще слишком громко:

– ... ведь за ними надо было бы послать Принца Теней – это под силу только такому мастеру, как он!

– Ох, во имя всего святого, заткнись!

Через непродолжительное время Монтекки и его жена встали из-за стола, моя мать последовала их примеру; мы все почтительно склонились перед ними. Как только они вышли, Ромео выпрямился, повернулся ко мне и резко схватил меня за плечи.

– Я впутал Розалину в неприятности?!

Он выглядел искренне взволнованным – это никогда не поощрялось среди Монтекки и вряд ли кто-нибудь похвалил бы его за это... кроме разве что меня.

– Скажи мне правду, братец: если у нее найдут мои стихи...

– Сядь. – Я оттолкнул его, и он мешком рухнул на свой стул, словно разом лишившись костей во всем теле.

– Доедай свой суп и постарайся протрезветь. Я пошлю за Меркуцио. Если уж приходится рисковать – разумно разделить этот риск с кем-то надежным.

Он схватился за ложку и снова принялся за суп, послав мне растерянную и умоляющую улыбку:

– Я знаю, ты не подведешь меня, братец.

Меркуцио был не только верным союзником Монтекки, он был лучшим другом – моим и Ромео. Когда-то Меркуцио отговорил моего кузена от участия в сомнительных забавах –

и это дало повод Ромео заявить, причем совершенно справедливо, что Меркуцио отныне неразрывно связан с нашей семьей. Короче говоря, Меркуцио был шутником, скандалистом, а главное – хранителем тайн и секретов. Огромного количества секретов.

Он хранил мою тайну – о Принце Теней, и хранил ее уже много лет. Но его собственная тайна была куда более страшной и опасной. Он любил, но если бы правда о его любви стала известна – это обернулось бы даже большей бедой, чем дурацкий флирт Ромео. Потому что эта любовь была не просто неблагоприятна – она строго осуждалась Церковью и законом в равной степени.

Я не был знаком с предметом обожания Меркуцио и надеялся, что никогда его не увижу: тайны такого масштаба лучше не ведать. Мы с Ромео регулярно лгали семье Меркуцио о том, где он находится, создавая видимость того, что он пьянствует с нами, в то время как он ускользал на свидание. От случая к случаю, когда Меркуцио был слишком пьян, мы выслушивали его стенания по поводу того, что он никогда не может видеть лица любимого человека при дневном свете.

Но эти проявления слабости были для него редкостью. Свет знал Меркуцио как яркого, остроумного, блистательного молодого человека – он был звездой. Одни восхищались его всегдашней готовностью – если не сказать рвением! – рисковать, другие считали его безумцем. Мы с Ромео понимали, с чем связано было его бесстрашие и импульсивность, но это не умаляло нашей к нему любви.

Этой ночью он вполне мог бы просто постучать и назвать свое имя у дверей дворца Монтекки – и его охотно бы пустили, но такой вариант был для него слишком скучным.

Поэтому он влез к нам по стене.

О его прибытии сообщил сокрушительный удар кулака в ставни моей комнаты. Этот звук заставил не только моего слугу Бальтазара вскочить в страхе на ноги, но и нас с Ромео в тревоге обнажить мечи: Ромео, конечно, мог быть неблагоприятным, но глупым никогда не был. А убийства в Вероне были таким же обыденным делом, как ссоры.

Я метнулся к окну и распахнул ставни, а затем осторожно высунул голову наружу и осмотрелся.

Меркуцио беззвучно смеялся, цепляясь за каменную стену на высоте третьего этажа.

– Ну? – бросил он. – Или сбрось меня – илипусти, дурень! А то еще немного – и мне придется пустить в ход мои крылья!

Я протянул руку и подхватил его, а потом помог ему перевалиться через подоконник. Приятель превратил свое появление в акробатический этюд, сделав сальто и приземлившись на обе ноги. Все это доставляло Меркуцио искренне удовольствие: я лазил по стенам в силу необходимости, а он, казалось, наслаждался, искушая судьбу и рискуя жизнью. Его лицо, неуловимо напоминавшее кошачье, сияло, темные глаза искрились, кудри растрепались и падали на лицо. Он приветствовал Ромео с обычной элегантно небрежностью.

– Я слышал, здесь кто-то вляпался в неприятности, – произнес Меркуцио и присел к нам за стол. Не глядя, он протянул руку, и Бальтазар, отлично вышколенный и хорошо знающий моих друзей, вложил в нее кубок с вином. – Вот так неожиданность!

– Как ты это делаешь? – спросил Ромео. Он подошел к открытому окну и выглянул, осматривая ровную кладку стены. – Наверно, ты и правда умеешь летать.

– У меня был великолепный учитель, – Меркуцио подмигнул мне. – Бен, а ты знаешь, что твой пройдоха-слуга потчует меня вашим самым старым и самым лучшим вином?

– Вряд ли лучшим. Он знает, что самое старое отнюдь не всегда означает самое лучшее, – ответил я. – Во дворце Монтекки есть парадная дверь, ты знаешь об этом?

Он пожал плечами и сделал большой глоток.

– Это скучно, – заявил он. – А ты знаешь, что мои публичные упражнения в лазании по стенам уже вызвали слухи о том, будто я и есть легендарный Принц Теней? Половина города уже уверена в этом, надо же мне соответствовать собственной репутации.

Он бросил на меня взгляд, полный иронии.

– И потом – как же мне упражняться и держать себя в форме, если я буду просто входить и представляться?

– В любом случае – ты можешь использовать стены нашего дворца как пожелаешь. А если тебя заметит стража – то ты сможешь еще поупражняться и в уклонении от стрел.

– Весьма ценное предложение. А теперь – что заставило нас сегодня собраться?

– Стихи, – ответил я. – Точнее – стихи Ромео.

– Неужели они настолько плохи?

– Они как минимум нелепы и неуместны.

– Ах вот как... – Меркуцио улыбнулся в предвкушении. – То есть эти стихи могут вызвать скандал. Я полагаю, они в высшей степени оскорбительны и унижительны.

– Хуже. Они подписаны.

Он присвистнул.

– Отлично. Что ж, Ромео, надо отдать тебе должное – ты не останавливаешься на полпути, когда берешься за дело. Что еще?

– Они находятся во дворце Капулетти.

Меркуцио тут же перестал свистеть. И улыбаться тоже. Он приобрел свой обычный невозмутимый вид, хотя возбуждение все еще кипело у него в крови – он никогда не был совершенно спокоен.

– Но ведь ты же не собираешься отправиться на их поиски?

Я побывал в доме Капулетти всего несколько месяцев назад, а нерушимым правилом моей тайной жизни было никогда не навещать с повторным визитом туда, где я уже был и оскорбил врага своим вторжением. Это могло навлечь на меня подозрения. И это утроило бы мои риски.

– Бабушка говорит, что мы должны вернуть письма, – сказал Ромео. – Если они будут обнаружены – мое имя и имя одной синьорины станут предметом уличных насмешек. И что еще хуже – ее накажут. Очень жестоко накажут.

– Капулетти? А с каких это пор нас это волнует? Разве Капулетти не рождены для позора? Я много раз слышал это от Монтекки!

– Только не Розалина, – ответил Ромео. – Она мила, и хороша, и красива. Ты же видел ее, Меркуцио, разве она не сказочно прекрасна?

– Прекрасна, – согласился Меркуцио без всякого воодушевления. – Ее глаза подобны двум сияющим звездам на небосклоне и так далее... Бен, хорошо это или плохо, но эта девица – Капулетти. И ее безопасность – это только ее собственная забота.

– Разумеется, – кивнул я тоже без особого энтузиазма. – Но в данном случае репутация Ромео тоже пострадает.

– О мой бог. И как много цветистых виршей он ей написал?

– Шесть.

– Скорее семь, – пробормотал Ромео. Голос его звучал сконфуженно – ведь ночь подходила к концу и действие вина тоже. – Это неразумно, да. Но она прекрасна. И я по-настоящему люблю ее.

Меркуцио бросил на меня взгляд.

– Убей меня, если я понимаю, в чем загвоздка. Разве Розалина – не будущая монахиня?

– Да. Возможно, она даже не читала никогда его каракули, а сразу бросала их в огонь.

– Что было бы весьма и весьма разумно с ее стороны, – согласился мой друг. – Но я предполагаю, что нам необходимо убедиться в этом – раз ваша бабушка настаивает.

– Если его милость синьор Капулетти обнаружит их – он покроет позором и насмешками наш род, даже если при этом пострадает его собственная семья.

Я произнес титул со всем возможным презрением: Капулетти не мог именоваться «его милость» – ни капли аристократической крови не текло у него в жилах. Справедливости ради надо отметить, что и в жилах Монтекки благородной крови почти не было... но в Вероне хорошие купцы ценились гораздо больше, чем какие-то родовитые дворяне.

Меркуцио в задумчивости водил пальцем по инкрустированному боку своего кубка, как будто ища решение задачи.

– Она в любом случае должна была бы отправиться в монастырь. Возможно, было бы достаточно просто отправить ее туда немедленно, пока не пошли сплетни о ее позоре.

– Капулетти не отличается сдержанностью и благоразумием. Помнишь синьору Софию? Лучше всего было бы эти чертовы письма сжечь. Но чтобы это совершилось наверняка, сначала нужно их отыскать.

Повисло молчание.

Меркуцио потянулся к графину, стоявшему на столе, и плеснул еще вина себе в кубок.

– Окна ее комнаты выходят в сад, – произнес Ромео. – Там два балкона. Ее балкон – слева, если стоять лицом к стене.

Мы оба уставились на него с одинаковым выражением изумления на лице, и, чтобы скрыть внезапное смущение, Ромео протянул руку за кубком. Бальтазар с готовностью подал ему кубок и наполнил его, а когда я начал было протестовать – показал мне графин с водой.

Умно. Он очень умен, мой Бальтазар. Сегодня был не подходящий вечер для того, чтобы Ромео упражнялся в пьяном остроумии.

– Откуда ты знаешь? – осведомился я. – Ты же клялся, что не встречался с ней!

– Я тоже умею карабкаться по стенам.

Меркуцио дал ему легкий подзатыльник.

– По стенам Капулетти?! И когда же ты явил такие чудеса ловкости?

– На прошлой неделе.

Мне стало дурно при мысли, что Ромео совершил свой дерзкий поступок после моего вторжения во дворец – ведь это означало, что риск, которому он подвергался, был в три раза больше! Огромная удача, что его не схватили!

– Ты понимаешь, что тебя легко могли поймать? – Я с трудом выдавил эти слова из себя. – У Капулетти много наемников, и каждый из них с удовольствием воспользовался бы случаем и снял бы с тебя кожу живьем. Для них это было просто подарком судьбы, они постарались бы снять с тебя кожу целиком, одним куском, а Капулетти сделали бы из нее ковер и прислали бы нашей бабушке – чтобы она подстелила себе под ноги для тепла.

– Я люблю Розалину, – сказал Ромео. – Все рискуют ради любви.

Меркуцио уставился на него с недоверием, а потом перевел взгляд на меня.

– И вы выпускаете этого парня на улицу, Бен? Одного?

– Он наивен. Но он не ребенок.

– Да, ты прав. Я думаю, младенцы и те соображают лучше.

Щеки Ромео вспыхнули, но он старался, чтобы голос его звучал твердо.

– Так ты идешь с нами или нет?

– В любом случае это лучше, чем провести вечер, наблюдая, как вышивают мои сестрицы, – Меркуцио допил вино и бросил пустой кубок Бальтазару, который с ловкостью поймал его прямо в воздухе – сказывалась долгая практика.

– Итак? Время позднее – все порядочные женщины уже должны быть в своих постелях. Луна сегодня на нашей стороне. И коли уж Ромео так искушен в лазании по стенам, сейчас самый подходящий момент продемонстрировать нам свое мастерство.

Ромео в прошлом году случайно узнал, что я Принц Теней, – после кражи очень дорогой золотой чаши из сокровищницы дворца Уттери. Я тогда не рассчитал время и неудачно столкнулся с ним в дверях, когда он возвращался ночью после очередного ночного приключения, а я, страшно хромя на вывихнутую ногу, нес свой трофей. Он перевязал мне лодыжку, спрятал чашу и врал о времени моего возвращения, когда его спрашивали, – и все это без малейшего сомнения или стыда. Но он не задавал вопросов, а я не рассказывал ему ничего о своих других приключениях. Иногда, хотя и не часто, мой кузен бывал довольно сообразительным.

– Приготовьтесь, – поторопил я Меркуцио и Ромео.

Сам я уже надел неяркий темно-голубой камзол и плащ, простой и без всяких знаков отличия и семейных гербов. Обувь я тоже выбрал неприметную и незапоминающуюся: я мог бы пройти в таком виде довольно близко от любого своего знакомого – и он не узнал бы меня, если бы не столкнулся со мной лицом к лицу. А лицо я прикрывал капюшоном и шелковой маской.

Меркуцио тоже был уже готов к ночным похождениям: на его одежде не было обычных ярких украшений и драгоценностей, и в своем неброском коричневом наряде он выглядел непривычно незаметным. Из кармана он достал шапку и убрал под нее волосы.

Оставался только Ромео, который все еще был одет в цвета Монтекки. Мы вдвоем устались на него и смотрели в упор, пока он наконец не огрызнулся:

– Что?!

– Мы собираемся сделать кое-что очень и очень опасное и даже, возможно, глупое, – произнес Меркуцио. – Будет лучше, если тебя не смогут узнать... хотя бы на расстоянии, скажем, выстрела из арбалета.

Ромео вспыхнул, и я вдруг понял, что он еще все-таки больше ребенок, чем мужчина: он, конечно, был уже мужчиной с точки зрения закона, но ему предстояло еще очень многому научиться, чтобы получить право так себя называть.

Он вздернул подбородок и кивнул, потом повернулся к сундуку и стал рыться в нем в поисках подходящей одежды. У нас с ним был разный рост, но простая рубаша и жилет, которые он выбрал, ему подошли. Бальтазар принес еще один плащ, на этот раз – из грубой черной ткани, свободного покроя. Этого хватило, чтобы замаскировать все, что было нужно.

– Не стоит этого делать, – шепнул мне Бальтазар на ухо.

Он бы ненамного старше меня, и хотя редко хозяин и слуга становятся друзьями, я считал его таким же близким другом, как и Меркуцио. Он тоже хранил мои тайны – как и тайны Меркуцио, кстати.

– Воровство – это неподходящее занятие для компании полупьяных молодцов. И вы это знаете.

– Они со мной не пойдут, – сказал я. – Меркуцио и Ромео будут отвлекать внимание стражи.

Бальтазар сделал глубокий вдох, а потом медленно выдохнул.

– Синьор, я знаю, что вы не прочь рискнуть, но на этот раз – идти в дом Капулетти, снова...

– Принц Теней уже грабил все лучшие дома Вероны, – возразил я. – Он украл серьги у спящей герцогини. Какая разница? Это всегда риск.

– Тогда все было иначе. Тогда это было ради мести и добычи, – ответил он. – А сейчас вы делаете это для семьи. И за вами будут следить.

Бальтазар был посвящен в мою тайну с самого начала. Мои первые вылазки были детскими забавами, дерзкими, но не более того: когда мне было десять, я отомстил за обиду Меркуцио. Я украл брошь у одной из его тетушек, которая велела высечь его за непослушание. Мне удалось тогда перелезть через стену, проскользнуть в ее спальню и украсть брошь,

а потом продать ее в ювелирной лавке. Меркуцио получил деньги – компенсацию за свое унижение. Потом, раз от раза, мое воровское искусство росло и совершенствовалось, и Бальтазар знал обо всем.

Со временем я вошел во вкус. Это было действительно искусство, которое требовало сосредоточенности, мастерства, ловкости и силы. Оно также требовало чутья – способности определить, когда задуманное возможно осуществить, а когда лучше не стоит пытаться.

И вот сейчас Бальтазар озвучил мои собственные тревожные предчувствия, которые я старательно пытался не замечать.

– Об этой девице разное говорят, – продолжал Бальтазар. – Об этой Розалине. У нее дурной глаз. Ведьмин.

– Я ее видел. Ничего ведьминского в ее глазах нет.

Бальтазар фыркнул, и это лучше любых слов продемонстрировало, что он думает о женщинах.

– Только ведьмы читают столько светских книг!

Я дал ему подзатыльник – легкий.

– Даже если и так – неужели ты думаешь, что я не смогу проскользнуть мимо женщины? Не глупи. Я делал это сотни раз.

– Но не с этой, – снова возразил он. – Не с этой ведьмой Капулетти. Мне все это не нравится, синьор. Мне это совсем не нравится.

Честно говоря, я его понимал, но мне не хотелось, чтобы мой собственный слуга запугивал меня Капулетти.

– Ладно, – сказал я. – У Принца Теней есть собственный интерес в том, чтобы сегодня ночью найти и изъять некие любовные вирши. И в придачу – камешек или даже два.

Он покачал головой и посмотрел на меня с возмущением.

– Вас повесят в один прекрасный день, – сказал он. – Качаться вам в петле. Если, конечно, повезет. Если сегодня вечером Принц Кошек не вцепится своими когтями вам в плотку.

Тибальт Капулетти, Принц Кошек, получил свою кличку от Меркуцио не благодаря своей грации и ловкости – скорее это была грубая игра слов. Если Тибальт меня поймает – мое растерзанное тело будет пригвождено к двери той же самой таверны, где я не так давно опозорил его в своих стихах.

Я почувствовал, что по моему телу пробежали мурашки, и поспешно запахнул плотнее плащ.

– Возможно, – произнес я. – Но сначала ему придется меня поймать.

Меркуцио, разумеется, был моим партнером во всех преступлениях. Он был мастером привлекать внимание к своей персоне, а присутствие неуклюжего, все еще полупьяного Ромео было сегодня как нельзя кстати. Пустынные, узенькие улочки Вероны были полны опасности даже среди бела дня, когда всякого рода разбойники и головорезы затаивались в проходах и арках. А ночью, в свете луны, они выходили на охоту в открытую. Но все же и они побаивались нападать на компании вооруженных людей. Мы сделали все, чтобы нас как следует увидели и услышали. Этому очень помогало умение Меркуцио орать по-ослиному, и он исполнил с таким припевом самую похабную пьяную песню из всех, которые он только мог припомнить, а Ромео и я подпевали ему нестройным хором, взбираясь на холм.

Улицы моего прекрасного города отличались удивительным даже для самих его жителей головокружительным однообразием: все стены были сложены из одного и того же камня и отделаны мрамором, отличаясь друг от друга разве что фресками и поблекшей мозаикой на полуразрушенных древних поверхностях. Верона не отличалась роскошными видами: пышные сады богачей скрывались за высокими заборами, спрятанные от любопытных глаз

простолюдинов. Даже с колокольни базилики трудно было бы заметить в городе следы хоть какой-нибудь зелени, будь то деревья или хотя бы кусты... только серый камень, мрамор и крыши, покрытые глиняной черепицей.

Проходя по Пьяцца-дель-Эрбе, мы увидели еще одну группку вооруженных молодых людей – они были одеты в цвета Капулетти, но эта встреча не доставила нам никаких неприятностей: если бы мы были в цветах Монтекки – не миновать бы нам столкновения и драки, а сейчас они только орали слова одобрения ближайшему кабаку и куражились около фонтана. Один из них обнажил свою веснушчатую задницу и выставил ее перед лицом мраморной статуи – древней, еще римской, великолепной статуи, ныне почитаемой как статуя Мадонны, но его спугнул окрик городских стражников, который заставил юнцов ретироваться. Мы же к тому времени спокойно миновали площадь и скользнули, словно призраки, в тень.

Недлинное путешествие – и мы оказались у задней стены дворца Капулетти.

Опять я здесь.

Сегодня не было ни малейшего шанса проникнуть в дом с той же легкостью... Я прекрасно понимал, что стража теперь будет с величайшим вниманием разглядывать лицо каждого входящего или выходящего человека. Нет, для того чтобы попасть внутрь, теперь требовалась необыкновенная хитрость и ловкость.

Ну, по крайней мере, сама стена не выглядела такой уж неприступной.

Меркуцио бросил на меня короткий, понимающий взгляд и крепко обнял Ромео за плечи, чтобы повернуть его в сторону Виа Каппелло.

– Идите на Виа Маззини, – велел я им. – Прямо к главным воротам. Купите немного вина и наслаждайтесь им, гуляя по улицам. Да погромче!

– Идущие на пьянство приветствуют тебя! – заявил Меркуцио с глубоким поклоном, от которого полы его плаща разлетелись в разные стороны. Он схватил моего кузена за шею, не обращая внимания на его попытки освободиться от слишком крепких объятий. – Ты тоже идешь, поэт. Давай-ка мы с тобой подальше уберемся отсюда и не будем наживать себе забот. Предоставим это Бенволио.

Ромео сопротивлялся, но Меркуцио держал его до тех пор, пока он не подал знак, что сдается.

– Не причиняй ей вреда, – обратился Ромео ко мне, и в голосе его звучала такая неподдельная искренность, что мне снова захотелось как следует ему наподдать. Я ведь был вором, а не душегубом. – Пожалуйста, Бен, обещай мне, что ты не сделаешь ей ничего плохого – только забереешь стихи. Если вам так надо кого-то наказать – накажите меня. А она ни в чем не виновата.

Он, конечно, был сущим болваном, мой кузен, но сердце у него было доброе – даже несмотря на то, что меня он, видимо, считал настоящим чудовищем.

– Я постараюсь справиться с собой и преодолеть все искушения, – произнес я. – А теперь идите. И поторопитесь.

Ромео кивнул, и Меркуцио повлек его навстречу шумной попойке и – весьма вероятно – неприятностям.

Я вытащил из своей сумки черный шелковый шарф и обернул им голову, низко натянув на глаза: прежде чем завязать его, я тщательно проследил за тем, чтобы разрезы пришлись строго на глаза – мне нужно было быть уверенным, что я могу все видеть. Затем я глубоко вздохнул и внимательно осмотрел стену, выискивая взглядом трещинки, впадинки и сколы – все то, за что я мог бы цепляться пальцами и на что будет удобно опереться носками мягких сапог. Плющ мне не нравился: во-первых, он мог не выдержать мой вес, а во-вторых – как бы я ни был осторожен и внимателен, на растениях все равно остаются следы, а сам плющ цепляется за одежду.

Но в самой стене кое-что изменилось по сравнению с тем разом, когда я видел ее два месяца назад: там, наверху, почти у самых окон, появилось почти незаметное глазу, спрятанное в тени дополнение.

Ножи.

Почерневшие, почти слившиеся с каменной стеной. Если бы я залез наверх и схватился за них рукой – от моей ладони остались бы только кровавые лохмотья. Очень умный ход, особенно если – а я был уверен в том, что так оно и есть! – лезвия ножей были отравлены.

Мне нужен был другой способ войти – и маленькая дверца в углу, в тени, была прекрасным выбором. Она предназначалась для слуг и торговцев и как нельзя лучше подходила для моей цели. Я достал из своей поясной сумки необходимые инструменты, а дальше было делом техники заставить металлический язычок замка покинуть его норку. Собак внутри не было – Капулетти не особо их жаловали, к счастью, но я знал, что в любой момент могу столкнуться с охранниками, которые имеют в доме все полномочия и очень любят убивать.

Наверно, не так уж хорошо, что осознание этого доставляло мне удовольствие.

Я проскользнул внутрь темного сада. В прошлый свой визит сюда я торопился и не заметил, что кусты сплошь усыпаны розами – ароматными, тяжелыми и свежими. Фонтан по-прежнему играл свою умиротворяющую музыку. Я старался держаться в тени и двигался вдоль гладкой мраморной стены в темноте до самых балконов. Балкон Розалины был справа от меня, и я начал прикидывать свои шансы.

Послышался хруст чьих-то сапог по гравию, и я застыл на месте, совершенно неподвижно, пока один из охранников не торопясь проходил с дозором мимо меня по саду. Я отточил свою способность стоять не шелохнувшись на долгих нескончаемых лекциях бабушки – я овладел этим искусством в такой степени, что теперь мог становиться невидимой тенью среди теней, и охранник миновал меня, даже не бросив взгляд в мою сторону. От него откровенно воняло чесноком и дешевым вином, но шаг у него был уверенный, и я ни капли не сомневался в его наблюдательности. Подождав, когда он повернет за большое цветущее дерево, я снова начал двигаться. Времени у меня было мало – он не один бдительно шарил глазами по саду.

Я прыгнул и повис на стене на высоте примерно половины моего роста. Плющ был влажным и скользким, но под ним скрывалась решетка, и я вцепился в нее, лишь слегка потревожив листву. Луна спряталась в тяжелых облаках, за что я ей был признателен – благодаря этому меня труднее стало заметить. Пока я карабкался вверх, перчатки и грубая одежда защищали меня от заноз и шипов, хотя я все же почувствовал один или два довольно чувствительных укола. Добравшись до балкона, я замер и, тяжело дыша, прислушался.

В комнате было тихо, как в могиле. На этот раз девушка, судя по всему, крепко спала.

Я перелез через перила балкона и чуть было не перевернул большую вазу со срезанными розами: мой плащ зацепился за шипы, и это могло превратить мое бесшумное появление в представление бродячего цирка. Я присел, прячась от вышедшей из-за облаков луны, и тщательно отцепил плащ, а потом отодвинул занавеску и бесшумно проскользнул в комнату.

Там было темно – это меня успокоило. За столом, где я видел ее в прошлый раз, никого не было, хотя я чувствовал запах дыма и тепло, идущее от подсвечника – свечу погасили совсем недавно. Кровать Розалины была большой, но простой, ее закрывал полог с изображением благочестивых дам, совершающих всякие богоугодные деяния. Никто из слуг не дежурил в комнате. У дальней стены стоял открытый шкаф с книгами – мне показалось, в нем было больше книг, чем во всей Вероне. Я успел поразиться их количеству – просто немыслимому для девушки! – и тут меня ждал провал.

Я не услышал, как она приблизилась. Вообще не услышал ее шагов. Делая очередной осторожный глубокий вдох, я вдруг ощутил на горле ледяное острое лезвие, и приятный, спокойный, ровный голос произнес:

– Принц Теней, это опять вы. Я позволила вам один визит, ваше высочество, но повторный визит уже может нанести непоправимый урон моей чести. Я думаю, на этот раз мне все же придется позвать моего брата Тибальта.

– Не делайте этого, – сказал я очень спокойно. – Я пришел с мирной целью – чтобы спасти вас.

– Спаси меня?! – Голос прозвучал удивленно, но в нем не было ни капли насмешки. – Я слышала, как ваши наемники хвастаются на улицах бесцеремонным обращением с женщинами Капулетти – вы пришли, чтобы продемонстрировать это наглядно?

– Не в моих правилах сражаться с женщинами. Хотя я слышал, как высокородные убийцы из вашего рода говорят, что могут взять приступом любого из дома Монтекки. Как вы думаете, что именно они имеют в виду, говоря о женщинах?

Она хранила молчание. Я подумал было рассказать ей о том неприятном случае с Тибальтом и одной из служанок Монтекки, свидетелем которого я был, но это было бы слишком жестоко: для нее он был братом – это для меня он был мерзкой змеей.

– Повернитесь, – велела она. – Повернитесь ко мне лицом.

Девушка подожгла фитиль свечи в золотом подсвечнике.

Я повернулся, потому что тоже хотел видеть ее лицо. Чтобы вспомнить, какая она. Розалина снова была одета в ночную сорочку, но на этот раз сверху была наброшена тяжелая накидка – и я почувствовал легкое разочарование, потому что помнил, как восхитительно было ее тело под полупрозрачной тканью рубашки.

Я молча поклонился.

– Как всегда, в маске, – сказала она, и мне показалось, что уголки ее губ дрогнули. Слегка.

– Прикажете мне снять ее? – спросил я.

– Возможно. Что вам здесь нужно?

– Ничего особенного, – ответил я. – Любовные стихи.

Она была чересчур умна. Опасно умна – мне не пришлось больше ничего говорить. Два слова – и она все поняла:

– Вы не Ромео – вы тяжелее и шире в плечах. В то же время наемника не отправили бы на такое деликатное дело, как это. Итак, вы, должно быть, его кузен. Бенволио. Вы пришли ограбить меня или убить? Конечно, убить – было бы проще и надежнее всего, тогда я точно не болтала бы потом.

Похоже, с тем же успехом я мог бы и вовсе не надевать маску.

Я пребывал в крайней растерянности. Что же мне следует предпринять? Ударить ее? Угрожать? Я уже понимал, что Розалина не та женщина, которую можно запугать, хотя она и была не старше, чем я. Об убийстве ее и речи быть не могло – я не смог бы убить женщину в любом случае, хотя было одно важное обстоятельство: она сжимала в руке кинжал. И эта рука не дрожала.

– Чтобы соблюсти все формальности, полагаю, я должен был представиться, – сказал я наконец, склоняясь в поклоне. – Синьорина Розалина.

– Я думаю, вы простите меня, если я не подам вам руку для поцелуя, – ответила она. – Итак, стихи. Полагаю, вы имеете в виду ту ужасающую бессмыслицу, которую посылал мне Ромео. Я надеялась, что у кого-нибудь хватит здравого смысла остановить его.

– Он настолько плохо пишет?

– Ваш кузен пишет слова как слышит, в грамоте он не силен, – усмехнулась она. – Но его воодушевление, по крайней мере, кажется искренним.

– В таком случае у вас нет причин хранить их, – произнес я. – Отдайте мне эти вирши – и я удалюсь прочь.

– Я их сожгла, – ответила девушка и отбросила свои темные волосы назад, а я нахмурился. – Вы что, думаете – я умалишенная? Если бы кто-нибудь обнаружил, что я храню в доме этот бред, – меня бы наказали, а бедного, спятившего от любви Ромео поймал бы и разорвал на мелкие кусочки мой брат. А он этого не заслуживает. Он всего лишь глупый мальчишка.

Я не привык иметь дело с такими женщинами: лишенными сентиментальности, живыми, блистательно прозорливыми. Я-то думал, что эта зарывшаяся в книги девица не первой юности хранит посвященные ей любовные стихи в укромном месте, дабы они грели ее одинокую душу, – но Розалина точно не нуждалась в источнике тепла извне. Она была горяча сама по себе, она сама излучала огонь, словно костер, – и несмотря на это, мне было очень, очень холодно рядом с ней.

Я откашлялся, потому что вдруг понял, что веду себя глупо, как мальчик в борделе.

– Вы даете слово?

Она улыбнулась – чуть-чуть.

– Я Капулетти, синьор. С какой стати вам верить моему слову?

– Действительно – ни с какой. И тем не менее я бы поверил – если бы вы дали слово.

– Тогда оно у вас есть.

– Благодарю. – Мой голос звучал не совсем твердо, а вот ее рука держала кинжал очень даже уверенно. – Что ж, тогда, я надеюсь, дело сделано, синьорина.

– Настолько, насколько это возможно, – согласилась она. – Вы сможете найти выход, чтобы вас не поймали?

– Я Принц Теней, – произнес я и улыбнулся. – Я могу найти выход из самого ада – и даже не задеть кончика хвоста дьявола.

– Вы как никогда близки к встрече с ним.

Теперь она не улыбалась – ни тени улыбки не было на ее лице, а глаза ее потемнели.

– Я слышу шум на заднем дворе. Вы должны исчезнуть – пока есть такая возможность. Сторожа вот-вот появятся – а я не могу рисковать своей головой ради вашего спасения. Вы же понимаете.

Я кивнул ей в знак благодарности и поспешно скользнул обратно к балконной двери. Слева от меня оказался книжный шкаф, и я вдруг неожиданно для самого себя вытянул из стопки книг ту тоненькую книжицу, которую она читала в прошлый раз. Розалина издала удивленный возглас и подалась вперед, но было уже поздно.

– Я возьму это на память о вас, – сказал я и выскочил на балкон.

Она могла бы закричать – и тем самым обречь меня на верную смерть: я не знал ее намерений – и мне не хотелось об этом думать. Я сунул книжицу себе за пазуху и перепрыгнул через перила балкона, стараясь двигаться по решетке вниз как можно более быстро и бесшумно. Потом я повис, чтобы осмотреть сад внизу.

Розалина перегнулась через перила балкона и смотрела прямо на меня. Она ничего не говорила, я тоже молчал, но что-то... что-то изменилось.

Повинуясь внезапному и, вероятно, глупому порыву, я протянул руку и сдернул маску. Мне нужно было, чтобы она увидела мое лицо.

На этот раз она улыбнулась по-настоящему. Воздух был свеж и прохладен, но я вдруг почувствовал, как по моим венам пробежала горячая волна.

– Справедливый обмен, – шепнула она. – А теперь вам нужно уходить. Быстро.

Я слышал, как Меркуцио и Ромео орут пьяными голосами на улице – они должны были привлечь к себе внимание стражи, но это не могло продолжаться долго.

Я спрыгнул со стены как можно дальше и прокатился несколько метров по мягкой траве, а потом, вскочив на ноги, помчался к той двери, через которую попал внутрь. В последний момент я заметил там сторожа, который проверял запор, и, резко развернувшись,

спрятался за колючим розовым кустом. Наверху, стоя на своем балконе, за мной с явным интересом наблюдала Розалина, вцепившись руками в каменные перила. И я был почти уверен, что она боялась за меня.

Почти уверен.

Оставался только один выход: наверх. У меня было совсем мало времени до того, как сторож покинет свой пост у двери и начнет обшаривать сад, поэтому я запрыгнул на стену и быстро полез по ней вверх. Я почти долез до самого верха, как вдруг резко остановился и замер, стараясь не делать резких движений, висая на стене и цепляясь за плющ.

Ножи.

Я вспомнил о них буквально в последний момент, я уже почти схватился за них – но резко отдернул пальцы от острых лезвий. И вот я был словно приклеен к каменной стене и не мог двигаться вперед.

И все-таки оставался один путь. Ремесленники, которые делали эту смертельную ловушку наверху стены, немного обманули Капулетти – совсем чуть-чуть схалтурили: оставили буйно растущий плющ, растущий в углу на самом верху, и не стали втыкать туда ножи. Снизу это было не заметно, а отсюда я совершенно отчетливо видел свободное от ножей пространство.

Я подобрался к нему, стараясь двигаться максимально осторожно, буквально не дыша, и, повиснув там, оглянулся.

Розалина все еще была на балконе и смотрела на меня. Я махнул ей рукой – и она кивнула в ответ.

И тут у нее за спиной вдруг выросла какая-то тень и кто-то схватил ее и потащил в комнату. Какой-то высокий мужчина. Я видел, как взметнулся его кулак, потом услышал звук удара и изумленный вскрик Розалины, а потом Тибальт Капулетти выскочил на балкон и перевесился через перила. Схватившись обеими руками за балюстраду, он стал обшаривать взглядом сад внизу.

– Стража! – взревел он. – Дурни! Держите ухо востро: здесь кто-то есть! Я слышал, как моя сестра разговаривала с ним! И я хочу, чтобы его нашли! Немедленно!

Он повернулся и с такой силой хлопнул балконной дверью, что она приоткрылась снова, давая мне возможность видеть, что происходит внутри комнаты.

Я прекрасно видел, как Тибальт наступает на Розалину, хватает ее и стискивает ей руку так, что та вскрикивает от боли.

– Это был он?! – заорал он и снова замахнулся на нее кулаком. – Этот был тот чертов вор?!

Она не отвечала, чем заработала очередную сокрушительную затрещину, от которой на нежной коже ее щеки выступили красные пятна.

– Я видел следы его сапог под твоим балконом в прошлый раз, ты, шлюха! Ты помогла ему опорочить имя Капулетти! Что он собирался украсть на этот раз – твою девственность?! Неужели ты пала так низко?

Итак, она невольно оказалась втянутой в мои дела. Я был настолько легкомыслен и глуп, что не подумал о последствиях: ведь я оставил следы под ее балконом – и это не могло не навлечь на нее подозрений. Я старался успокоить себя мыслями, что это не имеет никакого значения, что она Капулетти по рождению, что она лютый враг моего рода. Что кровь, которая течет в ее жилах, та же, что течет в жилах Тибальта. И что это ее отец убил моего отца много лет назад.

Но все это звучало совсем не так убедительно, как мне хотелось бы.

Я видел, как она посмотрела через плечо Тибальта и ее глаза расширились, когда она обнаружила меня, глупо распластавшегося по стене. Я почти мог прочитать в ее глазах сердитое: «Беги же, дурак!» И она была совершенно права.

Я сделал глубокий вздох, засунул книжку поглубже за пазуху и перевалился через стену в темноту.

Спрыгнув, я приземлился на согнутые ноги и слегка качнулся, удерживая равновесие, а потом бросился бежать по улице, огибающей дворец. Я слышал, как Меркуцио и Ромео бегут вслед за мной, преследуемые кучкой наемников Капулетти, которые уже не велись на их уловки, поэтому я свернул в ближайший переулок и подождал их. Ромео, не большой любитель погони, еле дышал, но тем не менее продолжал улыбаться.

– Ты... тебе... удалось...

– Они уничтожены, – отрезал я коротко, не тратя попусту дыхание и силы, которые нужны были для побега.

Вопреки моим ожиданиям, я вовсе не испытывал восторга и эйфории от содеянного: перед глазами у меня стояло напряженное, мрачное лицо Розалины. Это было лицо женщины, которая знала, что ее ожидает боль или что-то еще более ужасное.

– Клянусь, если ты напишешь еще хоть строчку – я сломаю тебе руку.

Он искоса взглянул на меня, явно встревоженный: я не шутил – и он знал это. Это не было забавным приключением, о котором мы потом будем вспоминать со смехом и умилением. Все было смертельно серьезно.

– Уведите их за собой, – приказал я Меркуцио и Ромео. – Бегите к Понте-дела-Витториа, там вам нужно будет от них оторваться и вернуться ко дворцу. Ни в коем случае не дай им схватить Ромео.

Меркуцио кивнул, дернул Ромео за рукав и ринулся в нужном направлении.

А я помчался в другую сторону.

– Куда это он? – услышал я взволнованный голос Ромео, хотя Меркуцио не имел ни малейшего представления о моих намерениях. Я принял решение только что и теперь несея по темным, узким улочкам, стараясь укрыться от настигающих меня лучей лунного света. Я слышал крики преследователей за спиной, но вроде бы Меркуцио и Ромео переключили их внимание на себя. Это было хорошо. Мне нужно было время.

Улицы по ночам совсем не безопасны, и я дважды чудом избежал столкновения с головорезами, караулящими своих жертв в укромных уголках. Время было самое подходящее для их темных дел – и убийцы прекрасно знали это. Мне удалось проскользнуть мимо городской стражи, и я свернул в узенький вонючий переулок, добрался по нему к церкви Кьеза-ди-Сан-Фермо, где – я знал это точно – меня всегда по-дружески выслушают и предоставят убежище.

Я вошел в открытую дверь и, оказавшись в этих величественных стенах посреди шелковой, тяжелой тишины, вдруг особенно остро почувствовал, как я устал. Горело только несколько свечей, освещая арки наверху, и я остановился при входе, чтобы засвидетельствовать свое почтение. Я преклонил колени перед алтарем, а потом как можно скорее – насколько позволяли правила – направился в глубь храма, где пухлый монах в тонзуре молился, а возможно – просто притворялся, что молится, а на самом деле закрыл глаза и дремал.

Я наклонился к нему и шепнул:

– Проснитесь, дорогой брат, вас ждут великие дела.

Его глаза распахнулись, он заморгал, а потом вылупил глаза, что, насколько я понял, должно было означать религиозный экстаз или – скорее – священный ужас. Он довольно неловко вскочил на ноги, обутые в сандалеты, помолчал, уставясь на алтарь и распятие над ним, а потом повернулся и посмотрел на меня.

– Воры! – взревел он, но потом сообразил, что находится в доме Господнем, и сменил рев на более подобающий шепот, попутно врезав мне по затылку так чувствительно, что я чуть не увидел ангелов. – Мерзавец! Злокозненный дьявол, покрывший себя позором... ох, простите, синьор. – Он наконец узнал меня, пришел в себя, откашлялся и попытался восста-

новить чувство собственного достоинства. – Что такое, молодой господин? Вы врываетесь в храм Божий вот так, без причины? Вы стоите перед Святым Духом и...

– Вы снова злоупотребили священным вином, брат Лоренцо? – перебил его я. Разумеется, он злоупотребил: его дыхание говорило об этом красноречивее любых слов. – А разве это не серьезный грех для такого почтенного старца, как вы?

Он погрозил мне кулаком и понизил голос до свистящего шепота:

– Старца?! Это я-то старик? Не настолько я стар, чтобы не преподать вам сейчас же урок хороших манер, как я делал когда-то, когда вы были еще ребенком... Что привело вас сюда в этот поздний час?

– Дело серьезное, – сказал я. – Простите, но одно из ваших духовных чад в опасности, и я думаю, что, как заботливый пастырь, вы просто обязаны броситься ей на помощь.

– Чадо? Разве есть у меня паства нынче, когда дьявол торжествует победу?

– Розалина Капулетти, – произнес я, – ее брат собирается ее побить, а может быть – и хуже. Если бы вы навестили их сегодня вечером, чтобы узнать о ее самочувствии и состоянии...

– Я, верно, ослышался, – перебил он и приставил ладонь к уху: – Вы сказали – Капулетти? Разумеется, нет – ведь я слышал беспокойство в вашем голосе. Что подвигло вас на предательство, сын мой?

– Я никого не предавал, – ответил я, и теперь в моем голосе звучало отнюдь не беспокойство, а бешенство. – И я не могу вмешиваться в это дело. Это дело ваше – и ваш визит, нанесенный в нужное время, может сохранить девушке красоту, а возможно – и жизнь.

– Она собирается в монастырь, мой мальчик, – красота для нее не слишком-то важна. – Брат Лоренцо тем не менее поджал губы и вздохнул: – Что ж, я схожу, но под каким предлогом? Не мог же я услышать ее крики отсюда?

– Святой отец, ну вы же монах – разумеется, вам было видение от самого Господа, – произнес я. – И вы возжелали поделиться этими чудесными откровениями с потенциальной Христовой невестой.

– Если вы, не дай Бог, ошибаетесь, юный богохульник, – мне понадобится гораздо больше священного вина, чем есть во всей Вероне, – заявил он, но кивнул. – Предоставьте это мне.

– Чтобы вы могли снова погрузиться в свои священно-винные молитвы? Ну нет, святой отец, я пойду с вами.

Он разразился резким, громким хохотом, который отразился от стен и побежал по пустому собору, словно расшалившийся ребенок.

– Вот уж не думаю, что Монтекки этому обрадовались бы!

– У монаха нет семьи, кроме Христа, – произнес я, стараясь выглядеть как можно более смиренным. – А грубая ряса с капюшоном прикроет все лишнее – тем более что капюшон достаточно длинен, чтобы закрыть мое лицо целиком.

– Смирение – не то слово, которое приходит мне на ум при взгляде на вас, – заявил монах, но возражать не стал.

Я знал одно: он обожает маленькие хитрости и приключения.

– Но у вас, Бенволио, слишком гордый взгляд. Поклянитесь, что ничем не выдадите себя и не наломаете дров, когда мы попадем внутрь!

– А зачем бы мне это делать? – спросил я. – Чтобы попасть в ловушку и оказаться добычей тех, кто с радостью перерезал бы мне глотку? Нет. Я только должен убедиться, что дело сделано. Я не собираюсь рисковать. И для вас тоже нет никакого риска.

Монаху понадобилось всего несколько мгновений, чтобы в куче тряпья найти для меня самую рваную, грубую сутану: я выглядел в ней ужасно – что было очень хорошо для меня, ибо молодым монахам часто достаются всякие лохмотья. Я перепоясался веревкой и

чувствовал себя так, словно меня туго запеленали в душные, пропахшие ладаном тяжелые тряпки, в которых я нещадно потел.

– Меч, – сказал брат Лоренцо. – Вы должны оставить его здесь. Он слишком заметен – даже под сутаной. А еще вам надо переобуться – сменить ваши сапоги на простые сандалии.

Я выполнил все эти указания, хотя без оружия чувствовал себя еще более нагим, чем без одежды. Я не расставался со своим мечом с тех пор, как вошел в соответствующий возраст, когда мне было позволено бродить по улицам вместе с кузенами. А в этот вечер я был беззащитен.

«Я всего лишь смиренный, ничтожный монах, – напомнил я себе. – Меня защищает Господь».

Господь и эта вонючая сутана – вот моя маскировка.

Брат Лоренцо окинул взглядом дело рук своих, удовлетворенно кивнул и напомнил мне, чтобы я не забывал держать голову опущенной долу.

– И никогда, *никогда* не поднимайте взгляда, – поучал он меня со всей серьезностью, возможной для монаха, которого мотало из стороны в сторону от выпитого вина. – Вам просто нужно выглядеть там смиренным и набожным. А любое проявление гордости и высокомерия – и мне несдобровать, ну а для вас последствия будут куда более губительными.

Я опустил подбородок, путаясь в широких рукавах, и постарался отринуть все то, чему меня годами учили с рождения, – повадки богатого господина из хорошей семьи. И неожиданно нашел, что это удивительным образом успокаивало и расслабляло.

Наша ночная прогулка по пустынным улицам была удивительно безмятежной: один карманник выполз было из тени, но при виде нас на лице у него появилось разочарование. Брат Лоренцо размашисто перекрестил его с широкой улыбкой, и мы продолжили свой путь, не боясь, что на нас кто-либо нападет. Сутана, казалось, закрывала меня словно броня, хотя я сильно сомневался, что этой защиты окажется достаточно, чтобы противостоять мечу Капулетти. Я думал: а все-таки не слишком ли я рискую? Но шанс стукнуть Тибальта по носу я упустить не мог... и кроме того – мне нужно было убедиться собственными глазами, что Розалина не слишком пострадала по моей вине.

Хотя я не признался бы в этом ни за что ни ей, ни – Боже упаси! – кому-нибудь еще. Я мог только надеяться, что брат Лоренцо будет хранить молчание: учитывая, что его земная семья должна была моей семье значительную сумму, это казалось очень вероятным. Никто не станет рисковать и вызывать на себя гнев Монтекки, особенно Железной Синьоры. Одна мысль о моей бабушке, которая угрожающе вырастает над своим креслом, настолько страшит, что у любого дар речи пропадет... даже у такого сплетника и любящего совать нос не в свои дела монаха, каким был брат Лоренцо.

Я очень на это надеялся – от этого зависела моя жизнь. В противном случае, боюсь, бабушка, выразительно шипя, напомнила бы мне, что даже очень верующий человек вполне может в пьяном виде упасть с лестницы и сломать себе шею, если этого потребует безопасность семьи. Я не был готов к таким радикальным решениям. Но я хорошо знал, что такое случается.

Мы шли молча и торопливо – по крайней мере, я чувствовал, какие усилия прикладывает к этому Лоренцо. И все равно мне казалось, что мы двигаемся слишком медленно, хотя мы почти бежали, и к тому времени, как монах дернул за шнурок звонка, я был уверен, что мы опоздали, безнадежно опоздали и что уже ничем нельзя никому помочь.

Брат Лоренцо, полный собственного достоинства, обрушил свой дар убеждения и праведный гнев на стражу – и этого оказалось достаточно для того, чтобы нас пропустили во внутренний дворик, где важный слуга встретил нас с той долей презрения и высокомерия, которая свойственна этому сословию. Он мало отличался от десяти себе подобных, что обитали в залах дворца Монтекки, пользуясь любой возможностью, чтобы прогнуться под более

знатных и прогнать тех, кто ниже рангом. Я никогда раньше не сталкивался с таким отношением к своей персоне, разумеется, и сейчас во мне закипало бешенство, но, в отличие от своих кузенов (в особенности Ромео), я умел управлять собой: я всегда был миротворцем, образцом здравого смысла, когда вокруг бушует ураган страстей.

Я уверял себя, что смогу отомстить потом, позже, спокойно и анонимно, если сочту нужным, но сейчас мой гнев усиливался от сознания, что этот человек попусту тратит наше время – очень дорогое время! И я начинал понимать Ромео, который предпочитал решать такого рода вопросы при помощи стального клинка.

Брат Лоренцо бросил на меня встревоженный взгляд, и я тут же опустил глаза, спрятав лицо в тени капюшона. Плечи у меня были гордо расправлены – и я старательно их ссутулил, сложил молитвенно руки и сунул их в бесконечные рукава своего одеяния.

Святой Боже, в этой рясе было почти так же жарко и душно, как в дьявольском логовище бабушки.

Мне казалось, что монах будет вечно убеждать впустить нас, призывая на помощь молитвы и рассказы о видениях и пророчествах, но наконец нас провели в темную большую залу, где нас ожидала еще более важная служанка в накрахмаленном платье. Она выглядела так, словно родилась прямо в этом негнущемся одеянии и умрет в нем, но только после того, как уничтожит последнего врага своей злобой.

Короче говоря, она была несколько уменьшенной и чуть более молодой копией моей бабушки, и, бросив на нее быстрый, осторожный взгляд, я счел за благо опустить глаза и уже не отрывать их от ковра под ногами.

– Что такое?! – спросила она гневно. – По какой такой причине вы врываетесь во дворец к молодой девушке в столь неподобающий, нехристианский час, падре? И избавьте меня от бессмыслицы по поводу видений и святых мотивов – я слишком хорошо знаю потаенные мысли мужчин, и не важно, какие одежды они носят!

– Какая злоба поселилась в вашем сердце, достопочтенная синьора! Я буду поминать вас в своих молитвах как можно чаще, чтобы на вас снизошла благодать и избавила вас от этой ненависти к миру. Что вы, я же Божий человек! И я пришел со святым откровением к синьорине Розалине, которая скоро станет моей сестрой во Христе и потому так же дорога мне, как если бы она была мне сестрой по крови. Неужели вы встанете на пути у ангелов!

Она весьма неприлично фыркнула:

– Скорее уж – у падших ангелов.

Он перекрестился. Дважды.

– Вы пугаете меня, синьора. Ведь я стою перед вами, полный смирения мученика, умоляя о том, чтобы вы сообразовались...

Пламенная речь монаха была прервана самым бесцеремонным образом – раздался властный знакомый голос:

– Убирайтесь! Вы здесь не нужны!

Я рискнул бросить быстрый взгляд в сторону лестницы, где возвышался Тибальт, глядя на нас сверху вниз. Его лицо было мертвенно-бледным, а глаза метали яростные молнии.

– Вон, я сказал! Если нам понадобится наставление от Церкви – мы отправимся в кафедральный собор, а не будем обращаться к какому-то оборванцу! У нас уже сегодня побывали воры, и не только они. И последнее, что нам сейчас нужно, – это *вы*!

Брат Лоренцо выпрямился, а я ссутулился еще сильнее, старательно исполняя свою роль под пристальным взглядом Тибальта.

– Вы сказали – воры? Так ведь это лучшее доказательство! Мне было видение, в котором открылось, что синьорина Розалина нуждается в утешении, совете и руководстве именно в связи с этим происшествием, чтобы попрактиковаться в благословенном умении прощать. Видите ли, я почувствовал, что меня пробудили ото сна высшие силы, любезный

синьор, а с высшими силами не спорят: я больше не смогу уснуть, пока не удостоверюсь, что с синьориной все хорошо и она оправилась после этого ужасного шока.

– Ей вполне достаточно заботы ее семьи, – отрезал Тибальт, и я почувствовал ледяную угрозу, идущую от этих слов. – Убирайтесь.

– Тибальт! – послышался резкий, отрывистый властный голос, и я краем глаза увидел, как он вздрогнул и повернулся к противоположной лестничной площадке. Поскольку его внимание отвлекли от нас, я позволил себе тоже взглянуть в ту сторону и обнаружил там синьору Капулетти собственной персоной, глядящую на всех нас с одинаковым отвращением и презрением. – Непозволительно вести себя так с представителями Церкви. Мои глубочайшие извинения, братья. Вы можете обращаться непосредственно ко мне, минуя моего племянника.

Брат Лоренцо тут же воспользовался предоставленным шансом.

– Я мчался сюда со всех ног, меня послали небеса, – сказал он. – Я должен обязательно видеть синьорину Розалину – по духовной надобности. Разумеется, вашему присутствию при этом я буду очень рад, синьора Капулетти.

Она так долго не отвечала, что я уж думал, что Тибальт одержал верх, но затем она коротко кивнула:

– Пойдемте со мной.

Тибальт, должно быть, хотел запротестовать, потому что я услышал, как она зашипела на него и произнесла:

– На сегодня довольно! Ваш дядюшка обязательно услышит о вашем недостойном поведении. Манеры у вас хуже, чем у конюха.

На самом деле ее вовсе не волновало спасение ее собственной – равно как и любой другой – души, гораздо больше ее интересовали дела мирские и, в частности, герцог, известный своей яркой приверженностью Церкви.

Тибальт вынужден был сделать несколько шагов назад, чтобы пропустить брата Лоренцо, и я прошел мимо него очень близко. Признаюсь, я испытывал удовлетворение, видя своего врага так близко, в дурацком положении и не способным ничего изменить. Вот бы еще стянуть пару безделушек – ведь момент был вполне подходящий. Но слишком велик был риск. Лучше уж тогда сделать это перед уходом.

Мы поспешили вслед за развевающимися юбками синьоры Капулетти, которую теперь сопровождала еще и та служанка, которая насмеялась над нами в приемном зале, вверх и по коридору туда, где, как я знал, находились покои Розалины. Синьора Капулетти не потрудилась даже постучать – один из слуг просто распахнул двери, и вся компания ввалилась внутрь без предупреждения.

Я увидел Розалину не сразу, сначала я услышал только, как охнул Лоренцо. Одна из служанок слабо вскрикнула – горестно, но едва ли удивленно.

Выражение лица синьоры Капулетти не изменилось: оно было неподвижно, словно высечено из камня.

Я подвинулся чуть правее и, стараясь, чтобы капюшон все же прикрывал мне лицо, поднял голову и осмотрел комнату.

Поначалу я не увидел ничего, кроме крови. Капли крови, лужицы крови на полу...

Розалина скорчилась в холодном углу, поджав колени к груди, ее ночная сорочка была вся в крови, которая капала из разбитых губ и из открытой раны на лбу. Обычно для образования синяков нужно время, но ее левый глаз уже сейчас заплыл, а челюсть справа стремительно опухала и раздувалась на глазах. Она осторожно поддерживала правую руку, и я увидел следы крови у нее под ногтями.

Да что она за женщина – она что, сопротивлялась Тибальту?! Она проиграла, это было очевидно, но все же при виде следов борьбы на этих нежных руках у меня перехватило дыхание.

А еще оттого, что она узнала меня.

Я видел, как она подняла голову, наши глаза встретились – по крайней мере, на мгновение, – и по тому, как она вздрогнула, я понял, что она меня узнала. В ее глазах было странное выражение, которое я затруднился бы определить одним словом: страх – разумеется... а кто бы не боялся в ее положении?

Но не только. Было что-то еще.

Мне показалось, что это была – хотя невозможно! – благодарность.

– Как удачно складывается, что она уже на полпути в Христовы невесты, – заметила ее тетюшка. – Ведь Ему, его всеобъемлющей, совершенной любви нет дела до таких незначительных земных вещей, как красота. Видите ли, эта девушка временами бывает очень непокорной, святой отец.

– Но для чего такая жестокость? – спросил он, и я по голосу понял, что он едва сдерживается. – Ведь эта девица, помимо всего прочего, обещана Церкви.

– И наша святая обязанность следить, чтобы она не порочила имя Капулетти, – заявила ее тетка, гордо подняв голову. Ей не нравились подобные вопросы. – Святое Писание говорит, что непокорное дитя надо учить, не так ли, падре? И вообще... Я полагала, что вы явились, дабы заниматься ее духовным состоянием, а не физическим.

– Иногда одно тесно переплетается с другим, – негромко произнес брат Лоренцо и опустил на колени перед девушкой. Своим длинным и широким шерстяным рукавом он осторожно стал утирать кровь со лба Розалины. – Как вы, синьорина?

– Хорошо, – шепнула она и на миг прикрыла глаза. – Все хорошо, благодарю вас.

– Достаточно ли хорошо, чтобы осознать, что вас призвал к служению сам Господь наш Всемогуший?

– В такой час? – Голос синьоры Капулетти был холоден как лед. – Разумеется, нет. Ей нужна как минимум неделя, чтобы подготовиться к отъезду.

Брат Лоренцо поднялся, выпрямился во весь рост и всплеснул руками, взмахнув окровавленным рукавом:

– Неделя? Вы говорите – неделя? Чтобы исполнить волю Господа?!

– Господа или вашу?

Я рискнул мельком взглянуть в сторону синьоры Капулетти.

Бесцветные глаза ее метали молнии, губы превратились в тонкую ниточку. Она была подозрительной натурой, и этот странный, связанный с потусторонними силами визит будил в ней сомнения и подозрения. И вряд ли нам удалось их в ней потушить.

– Я пошлю письмо аббатисе, чтобы получить подтверждение... подтверждение, что это ваше откровение было действительно от Бога, а не из какого-то более низкого места. Если это окажется правдой – вам будет оказана честь сопроводить девицу в монастырь. Если же нет – можете быть уверены, что все будет доложено епископу и он сам разберется, что делать дальше.

Епископ, разумеется, был урожденный Капулетти.

Брат Лоренцо, таким образом, подвергался из-за меня смертельной опасности – но, глядя на Розалину, которая тоже пострадала из-за меня, я не видел другого выхода. Ее жизнь висела на волоске между настроением Тибальта и равнодушием его тетюшки. Я не хотел оставлять ее здесь, подвергая еще большему риску, но вдруг я заметил, как она чуть шевельнула поврежденной рукой. Этот еле заметный жест означал, что мне лучше удалиться.

Поэтому я прикусил язык – в буквальном смысле этого слова, чувствуя железистый привкус крови во рту, склонил голову в поклоне и сложил руки в молитвенном приветствии,

пока брат Лоренцо бормотал приличествующие моменту благодарности синьоре Капулетти, губы которой так и не разжимались, будто склеенные. Получив обещание, что раны Розалины будут обработаны должным образом, он потянул меня прочь – вниз по лестнице.

Тибальт все еще торчал там, подобравшись, как кот перед прыжком, и нам пришлось пройти мимо него. Я был так близко, что мог уловить идущий от него запах крови Розалины и тяжелый, резкий запах его пота.

Я почувствовал, как бешенство вскипает во мне обжигающей волной. Руки у меня невольно сжались в кулаки, я с трудом преодолел искушение выхватить кинжал, спрятанный в складках одежды, и вонзить его в горло этому мерзавцу, но та часть моего сознания, которая еще способна была думать, напомнила мне: Розалина Капулетти не член моей семьи.

Как она тогда сказала? *«Мой род не благ для вас...»*

Вместо привкуса крови во рту у меня появился привкус пепла, когда мы покинули дворец Капулетти и двери с грохотом захлопнулись у нас за спиной.

Я путался в полах мерзкой душной рясы и сделал было попытку немедленно избавиться от нее, но брат Лоренцо схватил меня за руку, когда я уже готов был развязать веревку, заменяющую мне пояс.

– Не здесь! – остановил меня он. – Вы были правы, ей действительно угрожала опасность, но с Божьей помощью сегодня вечером мы спасли ей жизнь. Ее тетюшка, синьора Капулетти, теперь не допустит убийства Розалины: им, разумеется, всем глубоко наплевать на бедняжку и ее права, но у них кишка тонка отвечать потом на вопросы, которые им может задать Церковь. Так что теперь она в относительной безопасности. Но нашей первостепенной задачей становится перехватить то письмо, которое она напишет аббатисе.

– Об этом я позабочусь, – кивнул я. Это было как раз то, что я хорошо умел делать – и гораздо лучше, чем изображать молодого смиренного вида служителя Церкви. – Но какой ответ нам лучше отправить во дворец?

– Если вы не хотите, чтобы пострадала моя блестящая репутация как провидца и пророка, то, я думаю, в нем должно быть написано, что я избран в качестве сопровождающего для синьорины Розалины в ее путешествии навстречу Христу. Также следует упомянуть Святой Дух и видения, одно или два.

Я не хотел, чтобы Розалина отправлялась в монастырь, – ведь тогда я больше никогда не смогу видеть ее. Но, судя по всему, для нее это было наилучшим выходом: там, по крайней мере, она будет в безопасности. А здесь, в Вероне, она все время находится под угрозой: неизвестно, к чему в следующий раз может привести вспышка гнева ее брата – возможно, последствия будут еще ужаснее, чем сегодня.

О Боже, я желал ему смерти.

Но я только кивнул, сгибаясь под тяжестью своей сутаны, опустил плечи в смирении, которого совсем не чувствовал, и пошел вслед за отцом Лоренцо по молчаливому, опасному городу.

ПИСАНО РУКОЙ РОЗАЛИНЫ КАПУЛЕТТИ И СОЖЖЕНО В ТУ ЖЕ НОЧЬ

Я лгала. И не единожды, а много раз.

Наутро после первого визита странного и легендарного Принца Теней, когда он украл меч моего брата, меня, как и всех, кто живет под крышей дома Капулетти, интересовал вопрос: кто этот вор и знакомы ли мы с ним?

Есть особый смысл в том, чтобы притворяться слабой и глупой, какими часто выглядят женщины: когда я лгала – я делала это настолько естественно, что никому не пришло в голову присмотреться повнимательнее – включая моего жалкого брата, который обнаружил

следы под моим балконом и цветы, сломанные кем-то, кто выпрыгнул из моего окна.

Тогда мне удалось убедить его в своей невиновности – или я только так думала, – и наказание было жестоким, но недолгим.

Но сегодня все было иначе. Сегодня Принц Теней появился, молчаливый и тихий, как черный ангел, и потребовал вернуть стихи, которые я уже к тому времени давно сожгла, поскольку прекрасно представляла себе, что может случиться, если я этого не сделаю. Я уже почти вычислила его имя, но его лицо, эти горящие зеленые глаза... я заглянула в них из любопытства. Я всегда проявляю скептицизм и здравый смысл, когда моя кузина Джульетта начинает грезить о любви: но как же объяснить тогда ту внезапную дрожь, которая охватила меня, почему у меня так запылали щеки, почему страх сковал меня, когда я вдруг поняла, что ему грозит опасность?

В том последнем взгляде, который бросил на меня Бенволио Монтекки, я прочла все, что он чувствовал: ужас, застывший в них, сказал мне, что он видел моего брата, Тибальта, приближающимся ко мне и что он знал, что будет дальше.

Но он не знает одного: что подобное часто происходило в моей жизни и раньше. Мой брат, если использовать выражение нашей сладкоречивой тетушки, «очень уж горяч» и он часто отыгрывается на других – например, на мне.

В последнее время я начала сопротивляться, хотя это и строжайше запрещено. Я царапала его ногтями несколько раз и даже била его в ответ – но, разумеется, я не могу причинить ему никакого особенного вреда.

По выражению лица Бенволио я видела, что он готов рискнуть и броситься мне на помощь, и от этого меня охватил ужас вперемешку с глубочайшей тоской. Никто и никогда не беспокоился обо мне с тех пор, как умер мой отец. Матери я почти не знала. Нас с Тибальтом забрали из дома отца, перебрасывали из одного места в другое, пока наконец мы не оказались в Вероне, в этом дворце, построенном на костях и постыдных секретах.

Я бы очень хотела, чтобы мы никогда сюда не приезжали, и все же я радуюсь тому, что я здесь, – потому что он вернулся. Бенволио Монтекки, одетый на этот раз не как Принц Теней, без маски – в сутане монаха, съездившийся, как нашкодивший щенок, за потной спиной отца Лоренцо (который на самом деле очень добрый человек, несмотря на все свои недостатки). Я не знаю, что сподвигло милого монаха прийти сегодня сюда и узреть мой позор, и у меня нет другого объяснения, кроме того, что это было сделано по настоянию Бенволио.

Я узнала его даже раньше, чем заметила блеск этих прозрачных зеленых глаз под капюшоном. Я думаю, что смогу узнать его в любом обличье и наряде. И снова я почувствовала, что он полон темного, опасного желания – спасти меня. Это желание здесь, в окружении моей жестокой и кровожадной семьи, могло привести его только к одному – к мучительной смерти. И я благодарю Господа и Пресвятую Деву, что он все-таки ушел, притворяясь смиренным кающимся монашеском, и это ему даже в общем-то удалось, хотя в том, что произошло между ним и Тибальтом, он вряд ли раскаялся.

Я пишу это при неверном свете одинокой свечи, одна, и на бумаге расплываются капли моей крови, капающей со лба, – кровь просачивается сквозь повязку, которую наложила мне добрая старая кормилица Джульетты. Слава небесам, Джульетта спала и не видела всего этого кошмара.

Я пишу эти строки, потому что знаю: я никогда не смогу сказать их вслух – ради моего же блага и ради блага Принца Теней.

Но я предчувствую, что все это может закончиться очень плохо – как бы упоительна ни была моя тайна, ее надо во что бы то ни стало сохранить.

Поэтому я сожгу этот листок. И буду надеяться – вопреки здравому смыслу, разумеется, и подобно язычнице, – что он каким-нибудь чудесным образом узнает об этих моих словах...

Глава 2

Когда я наконец без приключений вернулся во дворец Монтекки, Ромео и Меркуцио ожидали меня в моей комнате. Как и Меркуцио, я забрался по стене, только для меня это было значительно легче, потому что я больше тренировался, а еще потому, что в моем желудке плескалось куда меньше вина. И все же вечер был длинным и весьма утомительным, и, перевалившись через подоконник, я почувствовал, что совершенно вымотан. Я приземлился на ковер неподалеку от кресла, в котором растянулся Меркуцио, вцепившись в кубок, который, как я подозревал, был не единожды заново наполнен и вновь опустошен.

Ему понадобилось какое-то время, чтобы сообразить, что я стою рядом с ним. Как только до него дошло это, он вскочил на ноги, уронив кубок, и заключил меня в объятия.

– Дурак! – закричал он и развернул меня, чтобы заглянуть мне в лицо. – Тибальт все-таки не сумел выпустить тебе кишки, а вот я смогу! Какого черта творится у тебя в голове?! Какого черта ты творишь ради женщины – хуже того, ради *Капулетти*?!

Я посмотрел мимо него на Ромео, который тоже вскочил на ноги, но выглядел слегка смущенным. На лице его мешались восторг и облегчение, чувство вины и возбуждение.

– У тебя получилось, – произнес он. – Ты дважды побывал в этом дьявольском доме – и выбрался. Ты и правда благословен.

– Удачливость вовсе не равна благословию, – возразил я и оттолкнул Меркуцио, прежде чем тот успел открыть рот и произнести что-нибудь более толковое. – И сейчас я не настроен для развлечений.

Сев в кресло, в котором он только что сидел, я поднял кубок. Мой слуга, как всегда расторопный и сообразительный, тут же его наполнил – но только до половины. Я сердито взглянул на него – и он плеснул еще немного вина.

– Она жива? – взволнованно спросил Ромео.

Мой кузен опустил на стул рядом со мной, он был очень серьезен – совсем как сова, только вид у него был гораздо глупее.

– Розалина... она?...

– Она жива, – коротко бросил я и выпил вино одним большим глотком. – От твоих стихов остался только пепел и дурные воспоминания. Будем считать этот вопрос улаженным. Но клянусь, если впредь я поймаю тебя на том, что ты топчешь цветы под балконом какой-нибудь девушки, которую не выбрала тебе твоя матушка...

– Но ты должен признать, дружище, что она самая чудесная девушка в Вероне, она – солнце среди бледных лун...

Я ударил его.

Это произошло внезапно – меня просто выбросило из кресла горячей волной бешенства. Я и сам-то не понял толком, что собираюсь сделать, – мои кулаки сжались сами собой и двигались тоже самостоятельно. Я ударил бы его и еще раз, но Меркуцио навалился на меня, отпихнул в сторону и силой усадил обратно в кресло. Мой дорогой кузен валялся на полу, кровь тоненькой красной струйкой стекала из уголка его губ, а в темных глазах плескалась ярость.

– Это ты во всем виноват! – заорал я. – Неужели ты настолько глуп, Ромео?! Как можно быть таким дураком? Мне бы стоило...

– Избить меня до полусмерти? – предложил он и встал, вытирая кровь с лица.

От этого зрелища меня бросило в дрожь: я вспомнил разбитые губы Розалины, ее окровавленное лицо, ее взгляд, полный отчаянного страха – страха не за себя, а за меня.

– Любовь может вынести все, дружище. Даже удары самодовольных и уверенных в своей правоте родственников.

– Да она не любит тебя! – взревел я и высвободился из слишком крепких объятий своего друга. – Запомни же, Ромео: если ты еще раз подставишься – я за себя не ручаюсь.

– Спокойнее, мой горячий друг, спокойнее, – произнес Меркуцио и похлопал меня по спине. – Он, конечно, дурак, но зато честный и искренний. Ромео, скажи своему братцу, что ты забудешь об этой девушке, и давайте-ка на этом поставим точку. Моя собственная любовь ждет меня с нетерпением...

Он подмигнул мне лукаво, напомнив чем-то мою сестру Веронику, и я невольно улыбнулся. Дурачась, Меркуцио послал мне воздушный поцелуй, а я как следует пихнул его в ответ.

– Ну что же, – заявил он, – я оставляю вас пылать в огне родственной любви.

Мы пожали друг другу руки, потом он протянул руку Ромео и обнял его.

– Дома безопасно, дружище, – заметил Ромео.

– Безопасно, – ответил он и, одним прыжком метнувшись к подоконнику, склонился в театральный поклон. – Но я-то уж точно иду не домой.

Он слегка поскользнулся, когда начал свой путь по стене вниз, чем немножко смазал впечатление. Я смотрел, как он спускается, – не так мастерски, как я, но все же весьма неплохо, а потом он исчез, тень среди теней. Наш безумный друг отправился в очередное опасное приключение.

– Его ведь поймают в один прекрасный день. И ты это знаешь, – произнес Ромео, стоявший у меня за спиной.

Ромео имел в виду вовсе не лазанье по стенам. Мы оба знали, что выходки Меркуцио и его нрав были хорошо известны в Вероне. Никто не придавал им особого значения. Ромео говорил о другом: о тех опасных свиданиях, на одно из которых отправился сейчас наш друг.

Мы росли вместе и всегда знали, что Меркуцио – воплощенный огонь и изящество, но, когда из подростков мы стали превращаться в мужчин, в надежду и гордость своих семей, мы с Ромео постепенно начали понимать, что наш друг отличается от нас. Я обнаружил это случайно, застав Меркуцио в обществе приятного молодого человека чуть старше нас. Я уже слышал о таких вещах, конечно, но никогда не видел, и эта картина смутила меня так сильно, что я находился в сильном замешательстве почти неделю, пока Меркуцио сам не пришел ко мне и, держась с большим достоинством и самообладанием, не осведомился, что я собираюсь делать. «Наши жизни в твоих руках, – сказал он мне тогда. – Ты знаешь, что нас ожидает. Я хочу лишь, чтобы ты помнил: что бы ты ни думал обо мне, как бы греховен я ни был – я навсегда останусь твоим другом».

И тогда вдруг все стало на свои места и ответ на мучивший меня вопрос нашелся сам собой. Меркуцио – это Меркуцио, независимо от того, кого он любит и чем занимается. Конечно, это считалось ужасным извращением и смертным грехом, но я к тому времени уже понимал, что многие в этом городе тайно творят вещи и похуже – и при этом без всякой любви в сердце. А Меркуцио... хотя мы с ним не состояли в кровном родстве – он всегда был мне братом по духу.

Я понятия не имею, каким образом обо всем догадался Ромео, но вскоре мы заметили, что каждый из нас постоянно лжет и покрывает Меркуцио, давая тому возможность встречаться с его другом. Я никогда не спрашивал о деталях и видел его только один раз и мельком, а вот Ромео знал больше.

Это меня сильно беспокоило. Семья Меркуцио уже обручила его с достойной девушкой, свадьба должна была состояться в течение года, и я не мог не думать о том, что будет с ним и с его любовью дальше. И девушку мне тоже было очень жаль: она была ни в чем не виновата, но и ее ждали страдания.

– Он умен, – сказал я, закрывая ставни. – Меркуцио никогда не попадетсЯ. Он боится только предательства.

– Но точно не с нашей стороны, – ответил Ромео. Он бросил на меня быстрый взгляд и слизнул струйку крови в уголке своей разбитой губы. – Прости меня, дружище. Но Розалина и вправду прекрасна, разве нет?

– Да, – произнес я. – Она прекрасна.

И я снова поднял свой кубок и потребовал еще вина, чтобы избавиться от мучающих меня образов и мыслей.

Я пробудился с гудящей головой и ощущением, будто во рту у меня нагадила стая кошек. Мой слуга каким-то образом умудрился переодеть меня в ночную рубашку и уложить спать. Пение птиц за окном и крики уличных торговцев свидетельствовали о том, что я спал слишком долго, а в следующее мгновение я сообразил, что грохот, который меня разбудил, был не в моей голове: кто-то колотил в дверь моей спальни.

Пока я пытался пошевелиться и стонал, стараясь сесть в постели, зевающий Бальтазар вскочил со своей низкой, жесткой лежанки и подбежал к двери. Я понял, что у меня неприятности, как только он распахнул дверь и склонился в самом глубоком поклоне перед вошедшей.

Моя мать, Элиза Монтекки, вошла, окутанная облаком розовой воды и сверкающая, словно ее осыпали золотой пудрой. Она остановилась в ногах моей постели, Бальтазар кинулся к ставням и одним движением распахнул их, чтобы впустить свет. Я зажмурился от яркого солнца и от блеска золотого ожерелья на шее моей матери и драгоценных серег, покачивающихся в ее ушах. Ее волосы цвета зрелой пшеницы, густые и тоже очень блестящие, как всегда были безупречно уложены в гладкую прическу, которая делала ее все еще прекрасное лицо совершенным. Я унаследовал от нее свои нездешние зеленые глаза, вот только волосы и кожа у меня были по-итальянски темными, а она, даже после стольких лет, проведенных в Вероне, выглядела бледной и светлой кожей. И очень изящной в своем темном, элегантном наряде.

Она окинула меня бесстрастным, оценивающим взглядом.

– Хорошего дня, матушка, – сказал я и сел. – Я пропустил мессу?

– Да, – ответила она. – И твое отсутствие было замечено. Что с тобой?

– У меня... болит живот.

– Так, – она кивнула и щелкнула пальцами, не глядя на Бальтазара, а тот бросился подставлять ей кресло, в которое она и опустилась, по-прежнему не глядя на слугу, – фокус, который, как мне кажется, могут себе позволить только по-настоящему богатые и уверенные в себе люди, которые не боятся оказаться в глупом положении. – Слишком много выпил. Это все объясняет. Бенволио...

– Матушка, если вы оставите меня, я смогу привести себя в подобающий вид и навестить вас в ваших покоях, – перебил я. – Я уже не ребенок.

– Нет, ты не ребенок. Ты взрослый человек – и вести себя должен соответственно, – сказала она. – Твой отец был ненамного старше тебя, когда мы поженились.

Я знал это. Ему было всего девятнадцать, а ей семнадцать, когда он умер, пронзенный мечом Капулетти. Она была беременна – но не мной: я тогда уже был здоровеньким двухлетним мальчишкой и поэтому сохранил пусть и очень расплывчатые, но все же хоть какие-то воспоминания об отце, а вот моя сестра Вероника, в тот момент пребывавшая в утробе матери, была лишена даже этого.

Я застонал и потер лоб:

– Если вы хотите усугубить мое состояние беседой о женитьбе...

Мать повернула голову и одарила бедного Бальтазара равнодушным взглядом.

– Принесите ему что-нибудь поесть, – велела она. – В таком состоянии он абсолютно ни на что не годен.

Она выпроводила его из комнаты холодным кивком, и слуга со всех ног бросился выполнять ее приказ.

Мои покои, я думаю, это одно из немногих мест в Вероне, где моя мать могла повелевать, и ей будут подчиняться без всяких вопросов: в других местах, даже в залах дворца Монтекки, она была всего лишь вдова, чужеземный цветок, волею случая пересаженный в ядовитую землю одной из самых богатых и влиятельных семей города. Моя бабушка ее никогда не любила и не одобряла – хотя кто знает, что лучше и безопаснее: одобрение или неодобрение нашей бабушки.

Мы с Бальтазаром всегда подчинялись матери, и я позволял ей разыгрывать роль иностранной аристократки сколько ее душе угодно было.

– Мне нужно принять ванну, матушка, – сказал я.

– Я велю ее приготовить, – ответила она с ледяным спокойствием. – Но сначала ты поговоришь со мной, сын мой. Нам столько надо обсудить.

Такое начало не предполагало ничего хорошего.

Я сел, запахивая рубашку на груди и изо всех сил стараясь не походить на капризного ребенка, каким, вероятно, навсегда останусь в ее глазах.

– Я в вашем распоряжении, как всегда.

Тень улыбки тронула уголки ее губ, но в то же мгновение исчезла.

– Ты подумал о той девице? Она безупречного происхождения, ее семья обладает огромным состоянием, и родственники хотят обеспечить ей хорошую партию, пока она не вышла из возраста.

– Ей пятнадцать, – ответил я. – И она скучная.

– Она очень воспитанная, смиренная и красивая.

– А как же девушка из семьи Торетти?

Мать послала мне один из таких взглядов.

– Она больше не является подходящей партией.

– О, вот теперь я чувствую к ней интерес!

– Бенволио, не будь таким легкомысленным. Она... она скомпрометировала себя. Ее репутация под вопросом.

– У интересных всегда репутация под вопросом.

– Именно поэтому, сын мой, я и предлагаю тебе скучных. Поверь мне, в конце концов ты поймешь, что это для твоей же пользы, а «интересные», как ты изволишь про них выражаться, повисли бы у тебя на шее камнем. Ты никогда не смог бы избавиться от сплетен и слухов.

– Уличные сплетни и слухи... для меня они значат меньше, чем гусиный гогот, – заявил я. – Меня они вообще не заботят.

– Думаю, что ты бы озаботился, если бы они исходили из уст Тибальта Капулетти, – сказала она с уверенностью. – Я стараюсь защитить тебя, сын мой. Если не девица из дома Скала, тогда кто же? Ты уже отверг лучших кандидаток, который я предлагала тебе. Может быть, тебе милее церковная стезя?

Учитывая, что одним из краеугольных камней нашей веры является заповедь «Не укради!» – скорее всего, нет.

– Я не так давно примерил монашескую рясу – и мне это не понравилось, – ответил я. – А может быть, лучше поискать подходящую партию в других городах? Или даже на вашей родине, матушка?

– Меньше всего на свете я желала бы тебе жену, настолько чуждую тебе и твоей семье, – сказала она. – Ты и так носишь на себе клеймо, которое так хорошо знакомо мне. И я совсем не хочу лишать юную девушку родного дома и семьи без особых на то причин.

– А разве я – не особая причина? – поинтересовался я, и, видимо, мне удалось сделать это с долей обаяния Меркуцио, ибо матушка впервые за утро по-настоящему улыбнулась. На сердце у меня потеплело: она редко улыбалась. Англичане вообще серьезные и очень спокойные люди, а она всегда была особенно сдержанной, даже со мной. И я прекрасно понимал почему: в Вероне «любовь» и «война» – это синонимы.

– Я высоко ценю вашу опытность, матушка, но, может быть, девушка из Флоренции или Милана могла бы?..

– Может быть, – прервала она меня. – Но твоя бабушка очень четко дала понять, что ты должен жениться до конца этого года. Твой друг Меркуцио уже обручен. Она сейчас как раз занимается поисками невесты для Ромео. Она хочет знать, что молодое поколение Монтекки пристроено и надежно блюдет свое место под солнцем, – до того, как она сама оставит земную юдоль и уйдет в мир иной.

– Да она никогда не оставит этот мир, – возразил я. – Разве может ходячий мертвец, питающийся жгучей ненавистью, умереть? Судя по жару в ее покоях – она уже давно горит в аду.

Мать напряглась, а глаза ее вспыхнули тревогой:

– Бенволио!

– Здесь нет ее шпионов. Я могу говорить, что думаю. Бог свидетель, больше я нигде не могу себе такого позволить.

Я вдруг разозлился и почувствовал странную опустошенность, поэтому обрадовался при виде Бальтазара, протискивающегося в дверь с подносом в руках – на подносе были хлеб, сыр, вода, фрукты и сок. Он поставил поднос на постель и поскорее отошел на подобающее расстояние, заняв позицию у двери.

– Вы завтракали, матушка?

– Да. Несколько часов назад, – резко ответила мать. – Перед мессой, которую ты пропустил и на которую тебе следовало бы явиться. Я очень надеюсь, что ты примерно накажешь своего слугу за то, что он дал тебе проспать.

– Я буду сечь его без жалости, пока он не устанет кричать, – солгал я и впился зубами в сочный персик.

Ленивая оса зажужжала на окне, привлеченная сладким запахом персикового сока, и Бальтазар тут же кинулся ее выгонять. Битва между слабыми крылышками и мощными неуклюжими ручищами была по меньшей мере забавной.

– А что нового в церкви?

– Ничего интересного, – ответила матушка. – Ходят слухи о каких-то неприятностях во дворце Капулетти с одной из девиц: они обе сегодня сказались больными, хотя синьора Капулетти и ее свита на мессу пришли.

– А Тибальт?

– Он присутствовал. Хотя скорее отсутствовал – если ты понимаешь, о чем я. Он выглядел так же плохо, как и ты. Руки у него разбиты. Ты ведь не дрался с ним, правда? Ты ведь знаешь, что герцог высказался резко против общественных беспорядков. И, разумеется, твоя бабушка вправе ожидать гораздо более серьезных последствий для Тибальта, если ты все-таки дрался с ним.

– Я не дрался ни с кем, – заявил я, но она бросила недоверчивый взгляд на костяшки моих пальцев. Я тоже взглянул на них – и с удивлением заметил, что они разбиты и даже есть небольшая рана.

– Ну... то есть, возможно, я дрался. Я помню из прошлой ночи только... вино.

Впрочем, кое-что я помнил.

Я же ударил Ромео за его непростительную безрассудность в отношении Розалины Капулетти.

Сейчас, в ярком утреннем свете и под пристальным взглядом своей матушки, я счел свой поступок направленным на защиту семейной чести.

– Это не был Капулетти.

Ее взгляд был слишком острым, чтобы я мог чувствовать себя спокойно.

– Девушки Капулетти сегодня отсутствовали на мессе. Имеет ли это к ним какое-то отношение?

– Нет.

– И ты не нанес им никакого оскорбления?

– Разве я когда-нибудь совершал подобное? – Я поднял брови и снова откусил кусок персика, с возмущением глядя на мать.

– Ты их видел?

– Даже если я когда-либо видел их – я не помню. Я слышал, что одна из них – старшая – слишком ученая, а вторая – младшая – слишком уж сладкая, и даже вы, матушка, не представили мне их в качестве потенциальных невест. – Я прикончил персик и положил косточку на поднос, а затем зевнул: – Мы закончили с обвинениями на сегодня? Если да – позвольте предложить вам сок: Бальтазар принес слишком много.

Я не думал, что она станет пить: моя мать редко теряла бдительность, даже со мной, – но, поколебавшись, она все же протянула руку и взяла с подноса один из бокалов. Она слегка расслабила спину, совсем слегка, и теперь, когда она чуть приоткрыла свою броню, я вдруг заметил морщинки вокруг ее глаз и тревожные тени, залегшие вокруг рта. Для моей матери жизнь в этом доме была постоянным испытанием: она всегда должна была быть начеку. Ромео рассказывал мне со слов своей кормилицы, что мать была в отчаянии, когда умер отец, но к тому времени, как я подрос и мог уже заметить это, она уже не пролиwała слез, заменив их на покорную, холодную молчаливость. Я, будучи ребенком, воспринимал ее как прекрасную и недоступную мраморную статую Мадонны: она была символом любви – но не любовью.

Некоторое время она молча пила сок, а потом заговорила:

– Твоя сестра предложила для тебя подходящую невесту.

По ней нельзя было определить, одобряет ли она сама эту идею или нет, но упоминание о Веронике заставило меня встревожиться.

– Это вторая из девиц Скала. У тебя есть какое-нибудь мнение по этому поводу?

Я задумался, потому что – что удивительно! – у меня не было никакого мнения. Мне было решительно нечего сказать об этой девушке, кроме того, что ее звали Джулиана и она вроде была очень тихой. Я даже не мог вспомнить, была ли она красива: я просто не замечал ее никогда, хотя несколько раз оказывался рядом с ней. Но если это предложение дражайшей Вероники – значит, где-то прячется подвох. Значит, в этом тихом, неприметном омуте точно водятся черти.

– Я бы хотел взглянуть на нее, – ответил я.

– Мы как-нибудь это устроим. И я надеюсь, ты отнесешься к этому с должным вниманием, Бенволио. – Мама поставила пустой бокал на поднос, кивнула Бальтазару, и он поспешно убрал его. – Настали очень опасные времена. Очень опасные.

– Для Монтекки? Так они всегда опасные.

– Нет. – Ее зеленые глаза смотрели прямо в мои, точно такие же. – Для нас, сын мой. Для тебя и для меня. Меня едва терпят в этой семье, а ты пока что нужен бабушке – но важнее всего для нее твой кузен. Я знаю, что она дала тебе поручение.

– Я должен оберегать Ромео от неприятностей, – кивнул я и выдавил из себя улыбку. – Хотя, конечно, это не труднее, чем заставить ветер не дуть. Где Ромео, там жди неприятностей.

– В том-то и дело, – мягко сказала она. – Она дала тебе поручение, которое невозможно исполнить, а ты ведь знаешь, что она не прощает неудачников.

Я пожал плечами.

– На самом деле не так уж много у нее возможностей причинить мне вред, – сказал я. – Я же урод в семье Монтекки, и знаю об этом. Так что меня в будущем не ожидает никакого разочарования – я пойду своим собственным путем.

– Она не станет наказывать тебя, – произнесла мать. – А вот меня – твою мать – уничтожат, выбросят, забудут. И твоя сестра тоже подвергается риску, хотя и в меньшей степени, потому что нашла себе хорошую партию. И все же, если твоя бабушка разгневается на нас, она уничтожит и меня, и будущее Вероники.

– Но как? Как она вас уничтожит?!

Я мгновенно забыл о своих собственных неприятностях и даже о скромности: вскочив с постели, я стоял перед ней в одной ночной рубашке, хорошо что Бальтазар – молодчина! – тут же набросил на меня халат и принес стул, на который я опустилсь напротив матери.

– Матушка...

– Существует тысяча способов уничтожить женщину, – продолжала мать со слабой тенью улыбки на лице. – Здесь – пустить намек, там – сплетню... и все. Я очень боюсь, что мы с твоей сестрой находимся в серьезной опасности – даже если тебе лично ничего не угрожает. Поэтому прошу тебя, сын мой, отнесись к этому серьезно. На самом деле тебе поручено не только следить за поведением твоего кузена и вовремя останавливать его от глупостей: на самом деле тебе поручено защищать нас.

– От нас самих же, – закончил я за нее. – От нашей же собственной крови.

– Кровь... со времен Каина и Авеля брат шел на брата, – ответила она. – Без сомнения, даже Монтекки и Капулетти когда-нибудь породнятся, хотя это не остановит войны и не уменьшит ненависти между кланами. Только в сказках бывает счастливый конец.

– Иногда и в жизни заключают мир. – Я взял ее за руку. Ее кожа была прохладной и очень светлой в сравнении с моей – и даже на ощупь она напоминала мрамор, только мягкий и податливый. – Матушка, я клянусь, что сделаю все, чтобы защитить вас.

– Сделаешь?

Мне было больно, что она спросила об этом, но я кивнул и увидел, как в глазах ее промелькнула тень облегчения.

– Тогда мне гораздо спокойнее, Бенволио. – Она высвободила свою руку из моей и встала, расправляя юбки. – Благодарю тебя за это обещание. Я разужнаю все про девицу Скала: несколько осторожных вопросов правильным людям – и я смогу убедиться в ее порядочности, прежде чем ты встретишься с ней еще раз. Но ты должен обещать мне, что отнесешься к ней со всей серьезностью. Я знаю, что ты склонен искать в девушках исключительно недостатки, но тебе все же придется кого-то выбрать, на счастье или на беду.

Она не ждала моего ответа – а мне нечего было сказать в ответ. Я не знал, что именно ищу в девушках, с которыми меня знакомили, не знал, чего именно хотел... я хотел большего. Ума, например. Какой-то искры разума или души – того, что согревало бы меня по ночам и освещало бы мою душу, когда свет гаснет. Миловидная девушка – вот все, что требовалось, чтобы удовлетворить общественное мнение и соблюсти приличия: жена должна была быть богатой и красивой, хотя еще не возбранялась некоторая склонность к интригам и политический ум. И все.

А я никак не мог избавиться от образа Розалины Капулетти, у меня перед глазами стояло ее лицо в золотом пламени свечи, когда она читала стихи, сидя за столом в своей спальне. Даже если отбросить ее родословную – такая женщина, в конце концов, не слишком подходила для семейной жизни.

«Стой, – сказал я самому себе. – Ты становишься так же смешон, как Ромео». Помимо всего прочего я не мог позволить себе, чтобы из-за женщины пострадала репутация Монтекки». Что бы я там ни чувствовал, я должен хранить это в тайне, должен надеть непроницаемую маску, спрятать свои чувства подальше и никогда никому не показывать. Говорят, страдания – это путь к Христу. Может быть, однажды я стану святым – покровителем дураков и влюбленных, если к тому моменту времена и нравы не изменятся.

Мать еще какое-то время поговорила о светских пустяках, прежде чем покинуть мою комнату. Ей предстоял тяжелый день, полный интриг и сложностей, и она воспользовалась передышкой, проведя время со своим старшим – и единственным – сыном.

– Вы будете бить меня за то, что я позволил вам проспать мессу? – спросил Бальтазар с услужливым и умильным выражением лица. – Принести ремень?

Я толкнул его в плечо.

– Мне не нужен ремень, чтобы побить тебя.

Сжав кулак, я вздрогнул: я и забыл о ссадинах на костяшках пальцев, а они чувствительно дали о себе знать. Бальтазар поднял тонкие брови, от чего стал похож на сову.

– Точно, синьор, – сказал он. – Вы сегодня будете павлином или вороном?

– Вороном, – ответил я. – Это больше соответствует моему настроению.

Слуга открывал ящики и шкафы и один за другим вытаскивал детали моего костюма, тщательно сложенные и пахнущие сандалом. Короткие панталоны и льняная рубашка, которая сразу же натерла мне шею воротником. Узкие штаны натянуть было не так-то просто, но я проявил терпение. Потом были камзол и плащ, и пока Бальтазар расправлял черные, словно ночь, рукава, я готов был уже признать, что мой выбор оказался неудачным: на улице было солнечно и жарко и, возможно, цветной наряд (то есть павлин) подходил для этой погоды больше: в нем было бы прохладнее, несмотря на то что ткань, из которой он был пошит, была столь же плотной и тяжелой.

Бальтазар взглянул на мое лицо и тяжело вздохнул. Он отвязал рукава и заменил их на другие – малиново-голубые, с разрезами в виде полумесяца. Камзол на мне остался черный, но на нем тоже был голубой цвет Монтекки, он был представлен искусной вышивкой, на которую у белошвейки ушло, наверно, не меньше месяца.

– Я полагаю, что для того настроения, в котором вы пребываете, черный цвет действительно подходит как нельзя более, – заметил он. – На нем не так заметна кровь.

– Сегодня не будет никакой крови.

– Звучит бодро, синьор, очень бодро. Горжусь вами.

Он поправил манжету, склонив голову набок, и удовлетворенно кивнул, а потом принес мои туфли и нагрудные украшения. Я никогда не отличался дурновкусием, как Тибальт Капулетти, но я не мог выйти из дома, не продемонстрировав богатства Монтекки хотя бы отчасти. Сегодня я надел на неповрежденную левую руку кольцо с изумрудом и золотую брошь в виде льва с глазами из бледно-голубого топаза. Я остановил Бальтазара, когда он хотел украсить меня еще, словно статую для карнавала, и согласился только на одну серьгу из еще более бледного топаза.

Для богатого молодого человека моего возраста и положения это был все равно что монашеский наряд.

Бальтазар принес мне самое необходимое: длинный, тонкий кинжал с гербом Монтекки на рукоятке и мой меч. Я прицепил его к поясу – и почувствовал себя наконец-то одетым. Все остальное, разумеется, тоже было необходимо – но без меча я чувствовал себя просто голым.

Бальтазар стряхнул пылинку с моего плеча.

– Мне пойти с вами, синьор?

– Я буду с Ромео, – ответил я. – И с Меркуцио, если он появится. Так что мне совсем не нужна нянька.

– Да, конечно. Я только возьму свою сумку.

Для меня было источником вечной горькой досады, что, будучи урожденным Монтекки, я, как и остальные члены семьи, не мог толком распоряжаться даже собственным слугой. Он был прав, конечно. Если он отпустит меня одного навстречу приключениям и со мной что-нибудь случится – ему не сносить головы. Так что лучше уж умереть вместе со мной от меча Капулетти, чем иметь дело с Железной Синьорой.

Мы покинули мои покои и почти сразу же увидели Ромео, который сидел на той же скамейке в открытом атриуме, где я имел удовольствие беседовать со своей сестрой Вероникой днем ранее. Он выглядел печальным, словно промокший котенок. Он тоже оделся в черное в этот день, и только небольшие цветные вкрапления разбавляли эту черноту. Любой, кто взглянул бы на него, сразу бы понял, что парень в трауре. На подбородке у него красовался свежий синяк, при виде которого я испытал легкий укол стыда, смешанного с удовлетворением. Как и подобает доброму кузену, я подошел к нему с улыбкой.

– Ты выглядишь подавленным, – сказал я. – Прошлая ночь была не самой удачной, братец.

– Не самой удачной?! Ты так это называешь? То есть услышать из самых прекрасных уст в городе, от самого прекрасного сердца, что все слова моей любви, которые я ей писал, сгорели в огне, – это не самая большая удача? Услышать, что я значил для нее не больше, чем куча мусора на улице, – это не самая большая удача? Возможно, в твоём понимании это удача, Бенволио, пусть и не самая большая. Но для меня вряд ли. – Ромео был действительно погружен в пучину печали и явно собирался погрузиться в нее еще глубже. – И все-таки лучше любить и...

– Заткнись, – приказал я вежливо, но раздраженно, и он бросил на меня быстрый взгляд.

– Ты ударил меня, – сказал кузен. – Я не забыл об этом.

– Очень хорошо, – ответил я. – Значит, ты будешь вспоминать настоящую, реальную боль – а вовсе не воображаемое удовольствие. В садах Вероны сотни прекрасных цветов, Ромео, и все они цветут для тебя. Оставь Капулетти в покое.

– Сотни, говоришь? А что же ты никак не выберешь из этой сотни цветочек для себя, а? Что тебя отпугивает, братец, – цвет лепестков или, может, запах?

Я с трудом удержался от того, чтобы не врезаться ему снова. Бальтазар, стоящий рядом, с тревогой указал глазами на его синяк, чтобы я утихомирил свою ярость.

– Думай, что говоришь, – отрезал я, стараясь сохранять невозмутимость.

Возможно, мое потемневшее лицо, а может быть, то, что моя левая рука легла на рукоятку моего меча, заставило Ромео сделать шаг назад и примирительно поднять руки.

Дуэли между кузенами были не редкостью, в том числе и под крышей дома Монтекки. Я почти никогда первым не вытаскивал меч из ножен, но если меня вынуждали, то, по утверждению Меркуцио, остановить меня было труднее, чем любого из нас троих, и я был самым опасным. Ромео неплохо владел клинком и был легким и вертким, но я владел оружием не хуже, а если кровь закипала у меня в жилах, то меч мой разил наповал, а удары становились меткими и тяжелыми – и Ромео знал это. Я всю жизнь учился сдерживать свою ярость и контролировать себя.

– Я ничего такого не имел в виду, братец. Ты же знаешь – я люблю тебя всем сердцем, – сказал он таким нежным тоном, какого я раньше от него не слышал. – Но ты ранил меня – и я ранил тебя в ответ. Ты считаешь мою любовь к Розалине несерьезной, а меня огорчает, что ты считаешь меня таким легкомысленным.

Я глубоко вздохнул и отпустил рукоятку меча, но внутри меня все еще кипела злоба.

– Думай что хочешь, – ответил я. – Мне все равно. Но если ты еще хоть раз бросишь взгляд на эту девку – клянусь, я не ограничусь тем, что разукрашу твою физиономию. И если ты думаешь, что Железная Синьора меня за это накажет, то подумай лучше. Она предпочтет мертвого наследника глупому наследнику.

Он выглядел озадаченным тем, что я высказался так прямолинейно, и явно испугался моих угроз, но я не стал продолжать разговор. Я зашагал вперед, плащ развевался у меня за спиной, а правая рука была сжата в кулак, хотя я и не держался за рукоятку меча.

– Синьор... может быть, вино вас немного успокоит? – предложил Бальтазар. – Вино, полумрак, приятная компания?..

– Закрой рот! – рявкнул я и отправился в поисках неприятностей.

К моему удивлению и досаде, неприятности, которых я так жаждал, почему-то не спешили появляться. Даже обычно самодовольные и бесцеремонные наемники Капулетти сворачивали в сторону при моем появлении – и я не смог приблизиться ни к кому из них на достаточное расстояние, чтобы нанести оскорбление.

Говоря откровенно, я не был уверен, что моя злость относится именно к Капулетти (исключая Тибальта, естественно). На самом деле я, конечно, злился на своего кузена – и уже сорвал на нем свою злость. Но гнев продолжал бурлить во мне в поисках выхода и стремясь вырваться наружу, круша и ломая все на своем пути. Бальтазар выглядел встревоженным. Что ж, его можно было понять: я был один, без надежной мужской компании, и даже присутствие слуги – пусть и безраздельно преданного слуги, готового без колебаний отдать свою жизнь за хозяина, – не меняло сути дела. Искреннее волнение на лице моего слуги заставило мою ярость улегся. Если я втравлю его в бессмысленные и фатальные неприятности – я буду таким же глупцом, как Ромео.

Мы прошли по узким улочкам около базилики де-Сан-Дзено и свернули к всегда полной народу, шумной Пьяцца-дель-Эрбе, где великое соединялось с низким, а богатые смешивались с бедняками. Я был любопытной помесью того и другого: громкое имя и знатный род – и пустой кошелек, по крайней мере так утверждали моя бабушка и мать, а они очень внимательно следили за нашими денежными делами. Мой настоящий доход я получал совсем из других, менее приличных и достойных источников... таких, о которых точно не стоило распространяться за пределами стен исповедальни. Да и в исповедальне не стоило.

Я подошел к небольшой часовне и, постояв немного перед дверью, вошел внутрь. Там была прекрасная фреска Мадонны с Младенцем и небольшие букетики цветов – одни из них были свежими и ароматными, другие – увядшими и пыльными. Я перекрестился и преклонил колени, Бальтазар тоже принял молитвенную позу у меня за спиной.

И вдруг я начал молиться Пречистой Деве: я просил ее о терпении, наставлении, снисхождении... а больше всего о том, чтобы мой кузен перестал любить Розалину Капулетти.

Потому что если он не перестанет ее любить – я сойду с ума.

Особая ирония заключается в том, что, когда ты ищешь неприятностей и проблем – они, как назло, прячутся от тебя, зато стоит тебе успокоиться и примириться с миром – мир снова испытывает твоё терпение.

Я покинул часовню с умиротворением и благочестием в душе, готовый простить все оскорбления, которые мне были нанесены... и естественно, прямо за углом часовни я столкнулся с тремя головорезами в цветах Капулетти. Это были весьма неприятные господа: наши враги нанимали для своих целей грубых и опасных людей. Они были гладко выбриты, но было очевидно, что у них больше опыта в применении бритвы для перерезания глоток, чем для бритья щек. Одежда у них была бедная, но на ней, по крайней мере, не было пока свежих следов крови – значит, сегодня им пока еще не удалось сцепиться ни с кем из лагеря Монтекки.

При виде меня и Бальтазара, одних, без сопровождения наших крепких друзей, они, вероятно, решили, что им послан подарок с небес.

– Синьор... – начал Бальтазар, но тут же смолк, ибо все было понятно и без слов. Мы попали в ловушку, это было очевидно. И с тяжелым вздохом Бальтазар расправил плечи и начал разминать их перед неминуемой дракой. Мой слуга был вооружен дубинкой и ножом – очень хорошим ножом! – я имел уже возможность убедиться в этом, но против этих троих убийц мы вдвоем были практически безоружны.

Я сделал шаг вперед, когда они начали окружать нас смертельным треугольником.

– Мир вам и вашему дому, – сказал я. – Если вы позволите нам пройти.

Человек, к которому я обращался, – их главарь, как нетрудно было догадаться, – одарил меня злобной гримасой, которая мало напоминала улыбку. Это был крепкий, смуглый здоровяк, волосатый и потный, один глаз у него был белый и мертвый, а через все лицо тянулся здоровенный шрам, по которому было понятно, каким образом он потерял глаз. Он плюнул мне под ноги.

– Пес Монтекки, – сказал он. – Я позволю тебе пройти через врата ада, а могу волоком протащить тебя туда, если угодно. Мне это будет совсем не трудно, а по пути я поджарю тебя на пылающих углях.

– Он хочет сказать, – услужливо перевел один из его спутников, – что принесет тебя в жертву.

– Да, я понял, – произнес я с легким поклоном. – Очень любезно с его стороны.

Я снова обратился к главарю:

– Я только что помолился, и мне не хотелось бы сбиваться с чистого пути истины так быстро. Не могли бы мы просто разойтись с вами в разные стороны?

– Пес, – заявил он с большим удовольствием. – Обгадился со страху, сучонок? – он снова плюнул мне под ноги, на этот раз подойдя поближе.

Бальтазар издал возмущенный возглас, и рука его сама собой потянулась к рукоятке ножа – он был возмущен не столько грубостью этого свинообразного подонка, сколько неизобретательностью и примитивностью оскорблений.

– Если вы хотите произвести должное впечатление, вам нужно попробовать придумать нечто более изысканное и не столь прямолинейное, – заметил я, все еще преувеличенно вежливо. – Например, вы могли бы сказать, что от моего вонючего дыхания собор может развалиться. Или что кто-то украл половину моего остроумия, а вторую половину украл еще кто-то – и значит, у меня не осталось ничего. Или...

– Ублюдок. Полукровка. Отродье английской шлюхи, – прервал он меня.

Улыбка все еще не сходила с моего лица, но теперь она стала больше походить на оскал.

– Лучше, – кивнул я, – но все равно не соответствует стандартам вашего хозяина. Тибальт, например, утверждает, что имел ее.

– Я заставил ее поорать, – прохрипел эта свинья Капулетти и оскалил зубы в мерзкой ухмылке. – И тебя я отымею так же, голубок.

Я услышал, как звякнула сталь у меня за спиной, но не повернулся – мне не нужно было поворачиваться: дубинка Бальтазара с глухим ударом обрушилась на одного из него-деев, и тот издал визгливый вопль, прежде чем дубинка еще раз опустилась на его голову и послышался отчетливый хруст ломаемых костей.

Теперь наши силы были равны. Двое на двое.

– Что ж, теперь вам придется сдержать слово и поймать меня во что бы то ни стало, – сказал я, все еще улыбаясь.

Главарь лихорадочно дергал свой меч, пытаясь достать его, а я, не торопясь, извлек свой меч из ножен и, не прилагая практически никаких усилий, парировал его неуклюжий удар и сделал выпад вперед, сохраняя безупречное равновесие. Меня, как и любого мальчика

из богатой семьи, очень хорошо учили – много лет, с того момента, как я смог удерживать меч в руках: для того чтобы выжить – нужно было уметь хорошо драться. Но я умел кое-что еще: благодаря Меркуцио я много тренировался с наемниками, дуэлистами, скандалистами – людьми, у которых жажда крови находится на уровне инстинктов. И окровавленный, избитый, униженный... я учился.

Я немного отступил назад, уходя в сторону, и одновременно с этим достал свой кинжал. И прежде чем мой противник успел что-либо сообразить, я ударил сверху мечом, а снизу – кинжалом. Меч легко вошел в его плоть в районе ключицы, а кинжал скользнул между ребрами. Кинжал был просто для гарантии. Два лезвия почти встретились в его сердце.

Он уставился на меня с изумлением, словно вол, которого ударили молотом промеж глаз, даже не поняв сначала, что умирает. Я медленно вытянул стальное лезвие из раны, пока он не упал на меня, и отошел в сторону, чтобы не запачкаться в крови, которая хлынула из раны ручьем. Он все еще держал свой меч в руке, и я не сводил с него глаз, пока он не рухнул, бездыханный: слишком часто я видел, как мертвецы убивали живых, если живые ослабляли бдительность и отворачивались.

Хотел бы я сказать, что чувствовал ужас, или сожаление, или грусть, – но нет. Я ничего этого не чувствовал. Я чувствовал только... холод. В этом мире, холодном и бездушном, где нужно было выживать, отнять жизнь у противника означало не более чем возможность выжить. Я мог броситься в бой в порыве гнева, но я никогда не испытывал гнева во время драки. Только осторожность.

Итак, я дождался, пока жизнь окончательно покинула обмякшее тело моего противника, лежащее на булыжной мостовой, пнул меч, выданный ему Капулетти, так что тот улетел в сторону, и повернулся ко второму мерзавцу, который пытался достать своим мечом Бальтазара. Мы с Бальтазаром были опытными бойцами и хорошо понимали друг друга: он знал, когда нужно увернуться и отступить, и он сделал все как надо, а я бросился вперед, меч зазвенел, встретившись с лезвием меча моего нового противника, и этот звон был похож на сатанинский колокольный звон. Я сделал резкий выпад и заставил врага потерять равновесие – он споткнулся о выступающий булыжник, покачнулся и ударился плечом о каменную стену позади себя. Я прижал его к стене, лицом к лицу, и заглянул ему в глаза. Он казался смертельно напуганным.

Так и должно было быть.

– Твои приятели мертвы, – сказал я по-прежнему любезным, спокойным тоном. – Ты хочешь остаться в живых?

Он торопливо закивал. От него воняло чесноком и потом, который градом катился по его побледневшему от страха лицу, и внезапно я ощутил жалость к нему. Он был еще молод – немногим старше меня и чуть моложе Бальтазара. Возможно, он мечтал о жизни, полной приключений и золота, а может быть – просто зарабатывал на хлеб для своей бедной матери-вдовы... Я не мог знать его мотивов и забот, но почему-то почувствовал какое-то странное родство с ним в этот миг.

– Сними с себя грязные цвета Капулетти, – велел я ему. – Оставь их тем, кому они принадлежат по крови. Прямо сейчас – делай, что тебе говорят.

Я отступил назад. Он глотнул воздуха, не сводя глаз с кровавых следов на моем мече, и бросил свой меч рядом с мечом своего мертвого товарища. Затем трясущимися пальцами сорвал с рукава знаки отличия Капулетти, пришитые на живую нитку – вероятно, им же самим, и швырнул их на мостовую.

Я опустил меч и кинжал.

– Небольшой совет, – добавил я. – Тебе лучше покинуть Верону до того, как Тибальт узнает о случившемся, а иначе ты умрешь еще быстрее, чем твои дружки.

Я сунул руку в кошель, вынул золотой флорин и сунул ему в руку.

– И скажи остальным наемникам Капулетти, – вмешался Бальтазар, – что им лучше не встречаться больше с моим хозяином, если они не хотят, чтобы их постигла та же участь.

Я знал, что слуга при этом не выпускал из рук дубинки и ножа.

Оставшийся в живых везунчик бросился прочь со всех ног, сжимая в руке золото Монтеки, а я проверил тела, чтобы удостовериться, что они действительно и безоговорочно мертвы. Бальтазар осторожно снял с тел кошельки, но даже не стал прикасаться к четкам.

– Нам нужно убираться отсюда побыстрее, – сказал он, поднимаясь с колен и встревоженно оглядываясь по сторонам. – Тела убитых прямо на пороге церкви...

– Я этого не хотел, – возразил я.

– Хотите объяснять это герцогу, синьор?

Как всегда, мой слуга был прав, и я поспешил в сторону, противоположную той, куда скрылся бедняга наемник Капулетти. Через несколько поворотов Бальтазар остановил меня, вынул кусок льняной материи и, цокая неодобрительно языком, отер пятна крови с моего камзола и рук. Я заодно почистил свое оружие, разложив его вокруг себя, словно торговец.

Теперь, когда драка была позади, я больше не мог отгораживаться от того, что произошло. У меня перед глазами стояло лицо человека, которого я убил, со всеми подробностями, от жесткой щетины до здорового глаза цвета корицы. Руки у меня начали трястись, и я почувствовал озноб – но сыну Монтеки не подобало проявлять подобную слабость.

– Мне нужно исповедаться, – проговорил я, не глядя на Бальтазара.

Слуга казался невозмутимым. А я задумался, что чувствовал *он*, когда своей дубинкой крушил череп человеку.

– Было бы опасно возвращаться назад, синьор.

– Тогда мы пойдем вон туда, в собор, – заявил я. – Сейчас же.

Утреннюю мессу я пропустил, а для вечерней было слишком рано, так что у меня как раз был шанс застать монсеньора Джиакомо в его исповедальне. Но выяснилось, что этим утром, видимо, в воздухе носилось что-то, что заставляло людей грешить. По крайней мере, десять человек стремились облегчить свои души раньше меня: четверо из них были молодые женщины в сопровождении своих некрасивых компаньонов.

Лицо одной из них было закутано густой вуалью, но ее платье, а также платье ее компаньонки невольно выдавали ее принадлежность к дому Капулетти. Это могла быть сама синьора, но вуаль была недостаточно роскошна для женщины ее положения. Джульетта была еще совсем юной девочкой, а эта девушка ростом была почти с синьору Капулетти. Значит, это Розалина.

Она стояла в ожидании исповеди, стараясь держаться как можно незаметнее, пряча под вуалью свое разбитое и украшенное синяками лицо. На руки она надела перчатки, – вероятно, чтобы прикрыть ссадины. Я видел, как она повернула голову в мою сторону, когда я вошел, несколько мгновений смотрела на меня, а затем снова обратила взгляд на статую Пресвятой Девы. Компаньонка оставила ее и пошла поставить свечи и помолиться св. Зинону, а Розалина, шурша юбками, опустилась на колени и молитвенно сложила руки на груди.

– Жди здесь, – шепнул я Бальтазару и пошел к алтарю, где преклонил колени, а затем направил свои стопы в сторону ниши, где ждала Мадонна, ее мраморное лицо было таким спокойным и умиротворенным. Она словно предлагала взять из ее открытых прекрасных рук мир и спокойствие, и я желал этого, страстно желал, потому что бесконечное напряжение и борьба отравляли мне жизнь, а еще потому, что при виде Розалины что-то словно оборвалось у меня в душе...

Я встал на колени в нескольких шагах от девушки и склонил голову в молитве.

В этом был какой-то особый смысл, какая-то особая правильность: быть рядом с ней, даже в этом священном, далеком от мира и света месте, даже зная, что между нами никогда и ничего не может быть.

– Что с вами? – прошептала Розалина так, чтобы только я слышал, и я еле заметно кивнул, с трудом удержавшись от изумленного возгласа. *Она спрашивает меня?* – У вас кровь на шее.

– Это не моя, – ответил я. У меня вдруг закружилась голова, мне стало жарко, а сердце застучало с удвоенной скоростью. – Я хотел спросить вас о том же, синьорина.

Она была так неподвижна, словно ее изваял из мрамора тот же самый скульптор, резцу которого принадлежала статуя Святой Девы.

– Монахиням не нужна красота. – Ее голос звучал очень спокойно, но у меня от этих слов болезненно сжалось сердце. – Но я вскоре поправлюсь, и со мной все будет хорошо. Вам нужно идти, пока вас не заметили.

Девушка беспокоилась обо мне, а ведь это ее собственная жизнь подвергалась опасности, насколько я знал: меня в худшем случае могла засыпать упреками и наказаниями моя бабушка, но ее-то Тибальт уже жестоко наказал, а любая оплошность могла очень дорого обойтись девушке из дома Капулетти, в котором несчастные случаи с девушками были далеко не редкостью. Упасть с лошади и разбиться... поскользнуться на лестнице или стать жертвой внезапной и смертельной болезни... В мире есть несчетное количество способов отправить в мир иной кого угодно.

– Я только что убил двоих людей вашего брата, – сказал я. – Они собирались убить меня.

Я не знал, зачем говорю это ей, – мне просто надо было это сказать. Она слегка склонила голову, словно под тяжестью моего признания.

– Это никогда не кончится, да?

– Нет, – мягко произнесла она. – Молитесь Богу, чтобы кончилось, и однажды это произойдет. Но не сегодня. И скорей всего – не завтра.

Она не сказала этого – но, несомненно, мой поступок отодвинул этот день в еще более отдаленное будущее. И теперь, глядя правде в глаза, я должен был признать, что в случившемся была только моя вина: если бы я не злился так на Ромео, если бы я сам не отправился на поиски тех, с кем можно подраться, ничего бы не случилось.

Я осенил себя крестным знаменiem, вставая, и направился туда, где беспокойно переминался с ноги на ногу Бальтазар. Он вздохнул с облегчением, когда я занял свое место рядом с ним. Он не сказал ни слова, но я и без слов мог прочесть на его лице решительное неодобрение.

Я кивнул ему и указал подбородком в сторону выхода как раз в тот момент, когда из исповедальни вышла одна молодая синьора и другая заняла ее место.

– Синьор? – переспросил он удивленно, семеня за мной. – Вы не останетесь, чтобы вам отпустили грехи?

– Я покался так, как мне было нужно, – сказал я. – А все остальное подождет.

Если быть откровенным, в глубине своей еретической души я считал, что нельзя раскаиванием получить прощение за убийство, в этом мире или в загробном – независимо от того, что говорят священники.

Я очень хотел бы увидеть ее лицо, но понимал, что вид синяков и ссадин на нем снова выведет меня из равновесия и только вызовет во мне новую волну ненависти к Тибальту. Она, наверно, тоже понимала это. А может быть, я только воображал, что между нами установилась дружба, хрупкая, молчаливая и опасная для нас обоих, как смертельный яд.

«И кто же из нас глупее?» – спросил я себя и поклялся, что попрошу прощения у своего кузена.

Скоро.

Остаток дня прошел в основном без происшествий, как всегда...

Меркуцио наконец соизволил объявиться, усталый и довольный одновременно, и вместе с Ромео и в сопровождении нескольких бравых молодцов, среди которых были известный своей жестокостью Абрахам и осторожный, мрачный Алессандро, мы отправились прогуляться на торговую площадь. Там, как всегда, было оживленно и весело, это было сердце города, место, где встречались все сословия и классы, место, где буйствовали краски, где всегда было шумно и играла музыка. Наша маленькая компания молодых людей – да, разумеется, вооруженных – держалась вместе, тесная группка в голубом и черном, только у Меркуцио эти цвета были разбавлены еще ярко-оранжевым цветом его собственного дома. Сегодня утром мать помимо прочего попросила меня найти ей нового поставщика шелка – и я честно выполнял эту тяжелую для мужчины работу, переходя от лавки к лавке, разглядывая выставленный товар и узнавая цены.

В третьей по счету лавке я заметил свою сестру Веронику, одетую довольно вызывающе, в сопровождении кормилицы, которая, казалось, была уже при смерти от усталости. Вероника покупала, и при этом втридорога, отрез богатого зелено-золотого дамасского шелка. Она делала вид, что не замечает меня, пока я не схватил ее за локоть.

– Позволь мне поторговаться вместо тебя, – сказал я. – Можно купить это в два раза дешевле.

– Это для моего свадебного платья, – сообщила она высокомерно. – Раз уж я выхожу замуж за старого козла – хоть платье у меня будет самое лучшее!

Она бросила на меня беглый взгляд, пока купец сворачивал ткань и упаковывал ее в льняной мешочек.

– Все сегодня только и твердят про убитых Капулетти.

– Вот как?

– Говорят, их убил кто-то из Монтекки, – сказала она. – Уж не ты ли, братец?

– Нет. – У меня не было настроения исповедаться моей сестре. Она никогда не считала нужным хранить секреты, разве что свои собственные. – Может быть, это были просто разбойники?

– Разбойники, которые заставили оставшегося в живых сорвать цвета Капулетти? В это никто не поверит. Я слышала, что герцог Эскала собирается вызвать к себе Монтекки и Капулетти – и тех и других, – чтобы прекратить наконец эту вражду. Будет задавать вопросы.

Я пожал плечами.

– Шла бы ты домой, – посоветовал я. – Если пролилась кровь Капулетти – тебе не стоит бродить тут одной.

– А я не одна, – ответила она. – Я с кормилицей, как приличная девица.

– Еще скажи мне, что у тебя здесь не назначено свидание.

– Брат!

В ответ я только снова пожал плечами: негодование в ее голосе было слишком уж натуральным. Вероника явно что-то замышляла, но что – я не знал, да и не очень-то это меня интересовало. Я ее предупредил. А если она все равно хочет подвергать себя опасности или плести интриги, которые могут поставить под угрозу ее замужество, это уже не мое дело. Хотя бабушка, несомненно, обвинила бы меня и в этом. Поэтому я все-таки послал двух наемников присматривать за моей сестрой и ее горничной. Каких бы глупостей ни натворила Вероника, они будут хранить это в тайне: им за это очень хорошо платят и, кроме того, они хорошо знают, как мой дядюшка относится к предателям. Так что Вероника была в безопасности настолько, насколько это было возможно – по крайней мере, от моих врагов.

А вот защитить ее от нее самой... это была совсем другая забота и одно из тех дел, которыми я не хотел и не собирался заниматься.

Ромео был не в настроении и в скором времени удалился – я послал одного из моих ребят, чтобы прикрыть его со спины. Меркуцио пытался с ним поговорить, но Ромео, как и

весь день до этого, не горел желанием разговаривать, и наш общий друг вернулся ко мне, качая головой.

– Он удалился, чтобы подумать, – сообщил мой приятель. – Некоторым мужчинам не везет в любви, Бенволио.

Я задумался, уж не себя ли он имеет сейчас в виду, но он развеял мои сомнения с кривой усмешкой:

– Я знаю, куда он поскакал. Я вчера вечером за ним следил, – добавил Меркуцио. – Его любовь – это густое вино, и теперь он страдает похмельем... он залезает на деревья, усаживается меж ветвей и пишет там свои стихи. Ну, по крайней мере, теперь ему хватает ума рвать их сразу после того, как он их напишет.

Не могу сказать, что меня это очень порадовало, но я решил оставить все как есть. Если сейчас начать охоту на Ромео – это только еще глубже загонит его в тоску. Он должен был сам разобраться с собой.

Я наконец выбрал продавца шелка для матери и сообщил ему, что его скоро вызовут. Меркуцио присмотрел для себя пару прекрасных кожаных перчаток, но они продавались в лавке, где висел штандарт Капулетти, и купец начал глумиться над нами.

Я украл перчатки для Меркуцио, просто спокойно взял и спрятал их в тот момент, когда купец отвернулся. Я вручил их новому владельцу сразу же, как мы вышли из лавки, и Меркуцио радостно закудахтал и укоризненно погрозил мне пальцем – но только после того, как натянул перчатки.

Мы купили у разносчика с тележки мясной рулет и получили вино бесплатно, так как торговец надеялся стать поставщиком Монтекки. Уличный шут из Флоренции доставал голубей из своей грязной бороды, вызывая восторженные крики столпившихся вокруг него детей: у него был довольно дикий вид, что заставило меня предположить, что монеты, которые летели в его шляпу, пойдут скорее на вино, чем на пропитание, но руки у него были ловкие и крепкие. Этот фигляр пел какие-то бессмысленные песенки и довольно рискованно дразнил толпу шуточками на грани приличия, но все было нормально, пока он не выбрал объектом для своих издевательств одного из Капулетти, остановившегося посмотреть представление.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.